

денщозная беллетристика слишкомъ безсильна. Разрушеніе Вандомской колонны въ области изящной словесности актъ величайшаго вандализма; но законами это не воспрещается и даже въ литературѣ явленіе болѣе комичное, чѣмъ печальное. Если извѣстные господа предпочитаютъ роль рабовъ своего фанатизма менѣе плачевнымъ ролямъ, пусть рѣжутъ ликъ Мадонны Рафаеля, пусть валятъ Вандомскую колонну... въ мечтахъ; но пусть не говорятъ именемъ того что одушевляло древнихъ Грековъ. Рабамъ это не къ лицу.

В. Ф.

ЗА УРАЛОМЪ—ВЪ СИБИРИ.

Очерки и картинки сибирской жизни.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

I.

Пять лѣтъ тому назадъ, я рѣшилъ поѣхать въ Сибирь на службу. Меня интересовалъ не столько этотъ далекій, суровый и холодный край, внушающій до сихъ поръ нѣкоторый страхъ всѣмъ ѣдущимъ туда впервые, а скорѣе та цѣль, ради которой я туда ѣхалъ, а именно, собраніе матеріаловъ и данныхъ, касающихся крестьянскаго и переселенческаго вопроса въ Россіи Европейской и Азіатской, изученіемъ котораго я издавна занимаюсь¹⁾. Мнѣ хотѣлось ознакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла на мѣстѣ, въ Сибири, куда въ послѣднее десятилѣтіе, въ особенности послѣ изданія закона 13 іюля 1889 г., начали направляться изъ разныхъ уголковъ Европейской Россіи наши безземельные, малоземельные, безлошадные и безхозяйные крестьяне-переселенцы. Изучая переселенческій вопросъ въ Сибири, я одновременно съ тѣмъ познакомился и съ крайне любопытными и интересными сторонами жизни этой нашей окраины.

¹⁾ См. *Русск. Вѣст.* 1896 г. № 1, 3, „Письма о переселенцахъ въ Сибирь“, являющіяся лишь краткимъ извлеченіемъ изъ приготовляемаго авторомъ къ печати спеціальнаго изслѣдованія по крестьянскому и переселенческому вопросамъ въ Европейской и Азіатской Россіи.

Еще задолго до отъѣзда я, конечно, постарался ознакомиться съ литературой, касающейся Сибири, какая только была мнѣ доступна.

Не скрою, меня многіе пугали, когда я собрался ѣхать въ Сибирь:

— Зачѣмъ вы ѣдете туда? Да это такая страна что вы тамъ пропадете, потеряете образъ человѣческій, сопьетесь...

— Нѣтъ, говорилъ я,—живутъ и тамъ люди. Поживу и я, авось и не пропаду. Соберу кое-что по интересующему меня переселенческому вопросу, да и съ мѣстнымъ сибирскимъ обществомъ познакомлюсь. Интересно узнать, какъ живутъ люди и какова жизнь въ Сибири.

Махнули безнадежно рукой на меня мои добрые знакомые, и я уѣхалъ въ Сибирь, въ страну ссылки и каторги...

Вотъ эти-то атрибуты Сибири и пугаютъ всѣхъ, ѣдущихъ туда. Эти страхи и опасенія въ Европейской Россіи вы услышите и отъ простолюдиновъ, и отъ интеллигентныхъ людей. И такъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока Сибирь не сольется съ Европейской Россіей, не заживетъ общей съ Европейскою Россіей жизнью, не получитъ одинаковыхъ учреждений.

II.

Существуютъ два главныхъ направленія, или маршрута, по которымъ ѣдутъ въ Сибирь. Первый—на Нижній чрезъ Пермь и Тюмень и далѣе по рѣкамъ Западной Сибири, а второй—чрезъ Самару, Златоустъ, Челябинскъ и далѣе по великой Сибирской желѣзной дорогѣ. Мнѣ пришлось ѣхать и по первому, и по второму маршруту.

Начну съ перваго, а затѣмъ перейду ко второму. Я не стану описывать пути отъ Кіева, откуда я выѣхалъ, чрезъ Курскъ, Орелъ, Москву, Нижній и Пермь. Путь этотъ всѣмъ извѣстенъ. Скажу только что чѣмъ дальше подвигаетесь отъ Москвы къ востоку, тѣмъ болѣе картина мѣняется: природа становится суровѣе, населеніе не такъ густо, какъ въ центральныхъ и югозападныхъ губерніяхъ, пейзажи другіе, жизни и движенія меньше, а простора больше.

Перемѣна эта становится особенно замѣтной, какъ по-

вернешь съ Волги въ Каму. Все, кажется, прежнее осталось: и рѣка такая же большая, какъ Днѣпръ и Волга, а сравнивать Каму хотя бы съ Днѣпромъ уже не приходится,—жизни на ней, движенія меньше. Невольно припоминаются эпитеты поэта, прилагаемые къ Камѣ: многоводная, пустынная.

На пароходѣ нашемъ ѣхала большая партія переселенцевъ-крестьянъ изъ Курской, Орловской и другихъ губерній. Всѣ они ѣхали до Перми, а оттуда по Уральской желѣзной дорогѣ до Тюмени и далѣе въ Западную и Восточную Сибирь, а нѣкоторые даже на Амуръ.

— Отчего же вы, ребята, не моремъ чрезъ Одессу, спросилъ какъ-то я Амурскихъ переселенцевъ,—удобнѣе и, пожалуй, дешевле стоило бы вамъ.

— Да, такъ-то это такъ. Мы кинулись было въ Одессу, да насъ не пустили туда. Вотъ мы надумались идти на Амуръ другимъ путемъ. Авось, доберемся туда, а не доберемся, гдѣ-нибудь на срединѣ застрянемъ въ Сибири. Тутъ и поселимся. Назадъ, вѣдь, не погонять. А ужъ не вернемся въ Курскую губернію, потому,—тамъ житья намъ нѣтъ.

— Что же, у васъ земли мало? Снимали бы земли у сосѣднихъ помѣщиковъ и жили бы у себя дома, въ Курской. Тутъ и заработковъ больше, а въ Сибири еще неизвѣстно, какъ вы устроитесь.

— Да мы, вѣдь, не зря ѣдемъ. Ходили туда ходоки, да намъ писали оттуда земляки наши, переселившіеся въ Сибирь раньше.

— Ну, давай Богъ вамъ счастья и удачи, скажешь, бывало, и отойдешь къ другой группѣ переселенцевъ.

Пароходъ, на которомъ мы ѣхали, везъ массу переселенцевъ. Изъ какихъ только губерній не было здѣсь представителей. Были тутъ и Куряне, и Орловцы, и малороссы-хохлы изъ Полтавской и Черниговской, Мордва и Черемисы изъ приволжскихъ губерній. Каждая губернія выдѣлялась въ особой группѣ. Получалась въ нѣкоторомъ родѣ этнографическая выставка.

Еще далеко до Сибири, а уже сказывается просторъ; „не то что гдѣ-нибудь у насъ, въ Курской“,—говорятъ Курскіе переселенцы-крестьяне.

— И тутъ бы хорошо можно устроиться. Вишь, какой просторъ! восторгается кто-то изъ толпы.

— А по какой губерніи мы ѣдемъ? спрашиваютъ меня.

— Теперь по Вятской, а скоро будетъ и Пермская губернія, отвѣчаю я любопытному.

— А у насъ-то въ Орловской такое стѣсненіе въ землѣ что прямо бѣда. Народу столько народилось что хоть умирай.

— А скоро мы въ Пермь пріѣдемъ?

— До Перми-то немного осталось, а до Сибири еще далеко, промолвилъ проходившій мимо насъ матросъ парохода.

— А сколько, однако, верстъ осталось до Перми? спрашиваю я матроса.

— Да вонъ, видна ужъ она, показалъ онъ пальцемъ направо. — Съ полчаса еще покругимся до Перми, добавилъ онъ.

III.

Дѣйствительно, на горизонтѣ, вдали на горѣ, началъ обрисовываться городъ. Переселенцы засуетились на пароходѣ, собирая свои пожитки, узлы и котомки.

Пошелъ и я съ вышки парохода въ каюту также собираться въ дальнѣйшій путь, уже по желѣзной дорогѣ.

Въ Перми пришлось ждать отхода поѣзда въ Тюмень нѣсколько часовъ. Чтобъ убить это время, я съ женой принялся за осмотръ города. Вокзалъ желѣзной дороги расположенъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пароходныхъ пристаней, а здѣсь ихъ нѣсколько. Стоитъ только перейти мостовую, и вы съ пристани попадаете въ вокзалъ.

Любопытную картину представляютъ пароходныя пристани въ Перми. Когда я ѣхалъ, былъ самый разгаръ переселенческаго движенія. Много пароходовъ, почти одновременно съ тѣмъ на которомъ я ѣхалъ, прибыли тогда въ Пермь. И всей этой переселенческой массѣ пришлось остановиться и прожить въ городѣ нѣсколько дней, ожидая своей очереди попасть на особые поѣзда, устроенные специально для переселенцевъ. Само собой разумѣется что зажиточнымъ переселенцамъ желѣзнодорожной администраціей не возбранялось ѣхать и въ обыкновенныхъ пассажирскихъ поѣздахъ, вмѣстѣ съ „чистой“ публикой.

Въ то время переселенцевъ скопилось въ Перми нѣсколько тысячъ. Какихъ-либо приспособленій, помѣщеній, которыя прію-

тили бы всю эту массу народа — въ Перми не было. Весь берегъ рѣки Камы, прилегающій къ вокзалу и пристанямъ пароходнымъ, былъ буквально устѣянъ переселенцами, разбившимися на отдѣльныя группы земляковъ. Къ счастью, погода все время стояла теплая. Дождей не было, а солнышко свѣтило и грѣло. Въ полдень даже жарко было, несмотря на то что была только вторая половина апрѣля.

Среди переселенцевъ нерѣдко можно было слышать тогда сѣтованія и опасенія, какъ бы наступившая и продолжавшаяся все лѣто жара и засуха, при полномъ почти отсутствіи дождей, не повредила посѣвамъ. Разразившійся затѣмъ, въ томъ-же 1891 году, неурожай и голодъ оправдали всѣ эти опасенія переселенцевъ. Послѣдствія этого сказались потомъ въ небываломъ наплывѣ въ Сибирь крестьянъ изъ пострадавшихъ губерній.

При прогулкахъ по улицамъ Перми, какъ-то не вѣрилось безплодности и кажущейся безжизненности города. А между тѣмъ, городъ этотъ является центромъ губерніи, гдѣ населеніе отличается промышленнымъ, предпріимчивымъ духомъ, а земство всегда отличалось энергичной дѣятельностью и сдѣлало для населенія губерніи много добра. Многія начинанія и мѣропріятія Пермскаго земства послужили примѣромъ и образцомъ для другихъ земствъ Европейской Россіи. Стоитъ только припомнить дѣятельность Пермскаго земства на поприщѣ улучшения и изученія экономическаго положенія населенія губерніи, выразившуюся въ учрежденіи кустарно-промышленнаго банка, охватившаго, благодаря искусной и разумной организаціи своей, даже самые захолустные уголки губерній, гдѣ нужна помощь и поддержка трудящемуся одиночкѣ-кустарю, или артели изъ кустарей. Институтъ земскихъ агрономовъ-смотрителей получилъ впервые свое начало здѣсь и послужилъ, затѣмъ, образцомъ для другихъ земствъ. Судя по первому отчету Пермскаго кустарно-промышленнаго банка, перваго въ Россіи, нельзя не удивляться организаціи банка — широко и разумно-поставленной. Среди агентовъ банка вы встрѣтите самыхъ разнообразныхъ представителей мѣстной интеллигенціи. Всѣхъ агентовъ насчитывается чуть ли не свыше 800 человекъ. Между ними найдете священниковъ, народныхъ учителей, земцевъ, врачей, податныхъ инспекторовъ, судебныхъ слѣдователей, земскихъ начальниковъ, чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ. Всѣ эти агенты служатъ банку безвозмездно.

А возникшія въ Шадринскомъ уѣздѣ, въ годину голода, по инициативѣ Пермскаго земства, земледѣльческія артели? Кажущаяся безлюдность на улицахъ Перми, очевидно, не служить достовѣрнымъ признакомъ безжизненности, а безлюдность скорѣе слѣдуетъ отнести къ особенностямъ всѣхъ вообще русскихъ городовъ, расположенныхъ въ сѣверной полосѣ.

Въ этомъ отношеніи какъ не схожи между собою города наши, расположенные на югѣ и сѣверѣ. Сравните Пермь съ Полтавой, Курскомъ, Воронежемъ—и васъ поразитъ отмѣченная мною особенность: отсутствіе уличной жизни и кажущаяся малолюдность или безлюдность.

IV.

Возвратясь изъ города на вокзалъ, мы чуть было не опоздали на поѣздъ. Пассажировъ ѣхало столько что насилу удалось получить билетъ и сдать багажъ. Поѣздъ тронулся. Чистая публика осталась довольной: въ поѣздѣ не было ни одного переселенца.

Для переселенцевъ предназначенъ былъ другой поѣздъ, въ особыхъ вагонахъ и по особому, удешевленному тарифу. Мнѣ не удалось быть очевидцемъ борьбы переселенцевъ изъ-за мѣстъ и желанія попасть поскорѣе въ поѣздъ. А борьба бывала по временамъ очень жаркая. Дѣло въ томъ что движеніе и количество поѣздовъ далеко не соответствовало массѣ переселенцевъ, все увеличивавшейся съ приходомъ каждаго парохода.

Въ силу этого, многіе переселенцы по недѣлямъ проживали въ Перми подъ открытымъ небомъ, терпѣливо перенося всякаго рода невзгоды. Повидимому, ни желѣзнодорожная, ни губернская администрація не предвидѣли такого наплыва переселенцевъ и потому заблаговременно не было принято никакихъ мѣръ, чтобы хоть сколько-нибудь облегчить положеніе переселенцевъ. А въ непогоду, въ дождь, морозъ куда дѣваются переселенцы? Остаются одни подъ открытымъ небомъ, а другіе, у кого найдутся средства, гдѣ-нибудь въ городѣ пріютятся. Больше всего, однако, переселенцы полагаются на „солнышко красное“, которое и высушиваетъ и отогрѣваетъ

ихъ, начиная отъ малаго, груднаго младенца и кончая дряхлымъ старикомъ, пожелавшимъ плестись за своими внуками въ Сибирь.

По разказамъ очевидцевъ, бывали и такіе случаи что рождались и умирали люди подъ открытымъ небомъ, у вокзала или пристани паровой. Теперь, конечно, приняты мѣры, и такіе случаи, вѣроятно, стали уже невозможными въ Перми, гдѣ, кажется, существуетъ отдѣленіе Петербургскаго Общества вспомошествованія нуждающимся переселенцамъ.

И на пароходахъ, перевозящихъ переселенцевъ, приведенные выше случаи стали рѣже, а если и бываютъ, то уже при другой, болѣе или менѣе гигиенической, обстановкѣ. Переселенческія партіи сопровождаетъ медицинскій персоналъ, который и оказываетъ необходимую помощь при заболѣваніяхъ переселенцевъ.

Я самъ былъ очевидцемъ такого факта. Пароходъ, на которомъ я ѣхалъ отъ Нижняго въ Пермь, былъ переполненъ пассажирами, большинство которыхъ составляли переселенцы, направлявшіеся, подобно мнѣ, въ Сибирь. Пройти на палубѣ не было никакой возможности. Надо удивляться, какъ только могли допустить такое переполненіе парохода и какъ переселенцы располагались на ночлегъ на палубѣ. И въ каютахъ было не меньше пассажировъ.

Я находился на вышкѣ парохода, любовался Камою, ея чудными въ многихъ мѣстахъ берегами, напоминающими лучшія картины Шишкина, Полѣнова и др., бывшія на передвижныхъ выставкахъ. И вдругъ замѣчаю: суeta какая-то поднялась на палубѣ среди переселенцевъ. Думаю, не свалился ли кто-нибудь въ воду, а это такъ легко и возможно при такой давкѣ и тѣснотѣ. Спускаюсь съ вышки и узнаю что однимъ пассажиромъ прибавилось: одной переселенческой семьѣ изъ Курской губ. Богъ сына даровалъ.

На пароходѣ не было ни фельдшера, ни акушерки, ни доктора. Описываемый фактъ произошелъ буквально на глазахъ у всѣхъ и, къ счастью, прошелъ очень благополучно, но при крайне любопытной обстановкѣ: въ нужную минуту образовался тѣсный кружокъ изъ женщинъ-переселенокъ во кругъ роженицы, оттѣснившій мужчинъ насколько можно подале. Явились тутъ же изъ среды крестьянокъ-переселенокъ опытные повитухи-бабки и все сдѣлали, что надо было дѣлать.

На третій или четвертый день, когда мы подъѣзжали къ

Перми, баба уже встала и получала поздравленія отъ окружающихъ. Отца же поздравляли съ новымъ пахаремъ и прирѣзкой лишняго душеваго надѣла земли. Много тутъ было шутокъ и остротъ.

V.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ отдыха, двинулись, наконецъ, мы, то-есть я и жена моя, изъ Перми по Уральской желѣзной дорогѣ. Спутницей и сосѣдкой въ вагонѣ нашемъ оказалась у насъ Шведка, возвращавшаяся въ Сибирь, въ Томскъ, изъ Даніи, гдѣ она провела зиму и лѣто на водахъ, сопровождая, въ качествѣ гувернантки или бонны, больную дѣвочку, дочь одного извѣстнаго въ Восточной Сибири инженера.

Мы очень обрадовались такой спутницѣ, которая, какъ оказалось, жила уже по-долгу въ Сибири и могла быть очень полезной намъ, никогда не бывавшимъ въ Сибири, а только по книгамъ познакомившимся съ ней. Правда, въ Кіевѣ мнѣ пришлось встрѣчаться съ однимъ студентомъ-сибирякомъ, который съ восторгомъ и любовью разказывалъ о своей далекой и суровой родинѣ. Я всегда съ удовольствіемъ слушалъ его восторженные разказы. Безъ преувеличенія можно сказать: онъ пѣлъ въ честь ея гимны.

Вотъ эти-то разказы, полные огня и воодушевленія, быть-можетъ, помимо спеціальнаго интереса по крестьянско-переселенческому вопросу, и ускорили мою поѣздку въ Сибирь.

Когда я узналъ впоследствии что этотъ восторженный разказчикъ, патріотъ Сибири, избралъ мѣстомъ своей дѣятельности, по выходѣ изъ университета, не родину свою, Сибирь, которая такъ нуждается въ образованныхъ людяхъ, а остался гдѣ-то врачомъ или педагогомъ въ Западномъ краѣ, меня нѣсколько удивило это обстоятельство, и я, признаться, усомнился въ искренности тогдашнихъ восторженныхъ разказовъ студента-Сибиряка. Вышло такъ что какъ ни хороша Сибирь, а все же лучше жить въ Европейской Россіи. Это отсутствіе прямоты и искренности въ характерѣ, а отсюда, слабое и своеобразное пониманіе нравственныхъ устоевъ, какъ я убѣдился впоследствии, является чуть ли не особенной чер-

той характера многихъ Сибиряковъ; взаимъ того, у нихъ чрезвычайно, до болѣзненности, развито тщеславіе и какая-то своеобразно-буржуазная и притомъ дурнаго тона практичность, а у служащихъ чиновниковъ чисто молчалинская складка характера. Въ дальнѣйшихъ своихъ очеркахъ сибирской жизни, я постараюсь безпристрастно обрисовать, между прочимъ, такой крайне любопытный, интересный и своеобразный общественный типъ, что называется, кровнаго Сибиряка-дѣльца-недоучки, не брезгающаго никакими средствами, ради тщеславія и афишированія себя, выступающаго подъ маской общественного дѣятеля, а въ сущности являющагося ловкимъ пѣнокоснимателемъ, умѣющимъ поймать „моментъ.“ Это будетъ не снимокъ съ натуры, а именно общественный типъ, какъ результатъ недостаточно плохаго воспитанія и образованія, своеобразная, сибирская разновидность Молчалина-Подхалимова, отдѣльныя черты котораго въ массѣ сибирскаго чиновнаго, служилаго общества распространены въ такой степени что невольно замѣчаются всякимъ вдумчивымъ наблюдателемъ.

Отъ Перми до Уральскихъ горъ нужно проѣхать еще порядочное разстояніе. Но намъ, никогда въ жизни не видавшимъ „настоящихъ“ горъ хотѣлось скорѣе ихъ увидѣть.

— Успокойтесь, не волнуйтесь; успѣете еще выпастись. До горъ еще далеко, говорила не разъ наша почтенная спутница намъ обоимъ, мнѣ и женѣ.—Не думайте что Уральскія горы поразятъ своей мощностью или грандіозностью, подобно Кавказу или Альпамъ. Онѣ гораздо проще. Мы въѣдемъ въ горы почти незамѣтно. Вотъ сами увидите, добавляла сосѣдка.

Наступившая ночь, усталость отъ продолжительнаго безпрерывнаго пути въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ, начиная отъ Москвы до Перми, сцены и картинки, свидѣтелемъ которыхъ я былъ на пароходѣ, среди переселенцевъ—оказали свое дѣйствіе: я заснулъ крѣпкимъ сномъ и всталъ на другой день уже довольно поздно, такъ что не пришлось увидѣть, какъ поѣздъ нашъ подходилъ къ Уральскому хребту.

— Вотъ вы и въ горахъ Уральскихъ, привѣтствовала меня сосѣдка.

— Да гдѣ же горы? спрашиваю я.

— Да развѣ не видите, смотрите вонъ, выйдите на площадку вагона, посовѣтовала мнѣ спутница.

Вышли мы съ женой на площадку вагона. Поѣздъ, изги-

баясь змѣй, ползъ въ гору по склону, огибая ее и совершая при этомъ такъ-называемыя „петли.“ Сдѣлавъ нѣсколько такихъ петель, поѣздъ вѣзжаетъ въ прорванный динамитомъ корридоръ въ горѣ и мчится уже на тормозахъ подъ гору до слѣдующаго подъема, гдѣ опять ему приходится совершать петли. Съ площадки вагона видно полотно дороги, по которому, дѣлая петли, поѣздъ уже прошелъ или будетъ проходить. Чуть-чуть замѣтны простымъ глазомъ такіе уклоны и повороты: кажутся они на одинаковой плоскости и уровнѣ, а разница въ дѣйствительности значительная.

Проѣзжая по Уральской желѣзной дорогѣ среди Уральскихъ горъ, можно забыть что ѣдешь горами. Горы эти кажутся просто большими холмами, покрытыми зеленью, лѣсомъ. Голыхъ скалъ въ какой-либо причудливой формѣ не замѣтно. Лишь изрѣдка попадаются, въ видѣ „лысинъ“ свободныхъ отъ растительности и зелени, каменные выступы, выходящіе наружу. Всюду лѣсъ, лѣсъ и лѣсъ.

Однако, лѣсъ прилегающій къ полотну Уральской желѣзной дороги довольно жалокъ, мелокъ. На протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ лѣсъ поломанъ и обгорѣлъ. Вообще, видъ этого лѣса производилъ на меня тяжелое и грустное впечатлѣніе: такая масса лѣсной растительности попорчена и погибла безъ пользы человѣку.

Горнозаводскія селенія попадавшіяся намъ по пути также произвели на меня невеселыя впечатлѣнія. Я родился, выросъ въ средней Россіи, гдѣ глазъ съ дѣтства привыкаетъ къ веселымъ лѣсамъ, полямъ, пашнямъ, засѣянному хлѣбомъ; меня поражало это полное отсутствіе хотя бы небольшихъ клочковъ воздѣланной земли, не говорю уже о садахъ и огородахъ при горнозаводскихъ селеніяхъ Урала. Это явленіе, конечно, объясняется мѣстными условіями, съ которыми надо считаться, но я говорю о своихъ личныхъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ во время переѣзда черезъ Уралъ по Уральской желѣзной дорогѣ.

Многія изъ горнозаводскихъ селеній и городовъ очень многолюдны, судя хотя бы по числу церквей которыхъ я насчиталъ въ нѣкоторыхъ такихъ большихъ заводскихъ селеніяхъ по полдесятку и больше, напримѣръ, въ Кушвѣ, Тагильскомъ, Невьянскѣ. Населеніе всѣхъ уральскихъ заводовъ, какъ извѣстно, довольствуется привознымъ хлѣбомъ съ той и другой стороны Урала,—изъ Европейской и Азіатской Россіи.

Населеніе заводовъ, поставленное въ исключительныя, своеобразныя условія, отвыкло отъ земледѣлія, коимъ оно занималось въ былое время.

Въ трудную годину неурожая и голода въ 1891 г. въ губерніяхъ, откуда хлѣбъ обыкновенно направляется къ Уралу для прокормленія мѣстнаго горнозаводскаго населенія, послѣднее, по разказамъ очевидцевъ, переживало тяжелыя минуты отъ несвоевременной доставки и крайней дороговизны хлѣба.

VI.

Мы ѣдемъ уже вторые сутки вдоль Уральского хребта. Давно уже миновали громкія по названію станціи, какъ Европейская и Азіятская, указывающія предѣлы географической Европы и Азіи. Уже пересѣкли и главный хребетъ Урала, проѣхали мимо столба-монумента, съ надписями на одной сторонѣ „Европа“, а на другой—„Азія“. То спускаемся яподъ гору, то поднимаемся на горы, дѣлая отъ времени до времени петли. Ихъ много приходится дѣлать поѣзду при переѣздѣ черезъ главный хребетъ Урала.

Дорога начинаетъ становиться однообразной и скучной. Красивые виды, попадавшіеся на пути, меня начали утомлять. Да признаться сказать, особенно выдающихся картинъ природы, которыя поражали бы своею красотой и грандіозностью, мнѣ не удалось увидеть на Уральской желѣзной дорогѣ. Словомъ,—такихъ, какими я любовался и восторгался въ послѣдствіи при проѣздѣ въ Сибирь по другому направленію, черезъ Уфу, Златоустъ, Челябинскъ.

Въ этой южной части Уральскія горы, по моимъ личнымъ наблюденіямъ и по отзывамъ многихъ лицъ, гораздо живописнѣе, чѣмъ по Уральской желѣзной дорогѣ. Но объ этомъ я буду говорить въ другой разъ, въ дальнѣйшихъ своихъ очеркахъ.

Спутница наша, вмѣстѣ съ женой моей, много разъ при разговорахъ по этому поводу острела и шутила надо мной, говоря:

— Самые лучшіе виды Урала вы, батенька, пропустили, прозѣвали и проспали.

— Можетъ быть, соглашался я. — Скорѣй бы добраться до Екатеринбурга, Тюмени, до настоящей Азіи.

— Извините, я долженъ васъ поправить, замѣтилъ мнѣ одинъ изъ пассажировъ нашего вагона, — Екатеринбургъ вовсе не Азіятскій, сибирскій городъ, а скорѣе европейскій; хотя онъ только уѣздный городъ Пермской губерніи, но онъ много лучше и благоустроеннѣе губернской своей метрополіи — Перми. Это крупный умственный центръ южнаго Приуралья. Здѣсь существуютъ и ученые общества, издается и газета, про которую нельзя сказать, какъ о другихъ провинціальныхъ газетахъ, что она влачитъ свое существованіе, имѣя одну-другую сотню читателей-подписчиковъ. Побывайте въ Екатеринбургѣ, и вы убѣдитесь что это европейскій, а не азіятскій городъ. Давно уже говорятъ что его предполагаютъ повысить, сдѣлать губернскимъ городомъ, выдѣливъ нѣкоторые уѣзды изъ состава Пермской и другихъ смежныхъ съ ней губерній, и образовать такимъ образомъ особую Екатеринбургскую губернію. Совѣтую вамъ побывать въ Екатеринбургѣ. Къ тому же, намъ осталось всего, кажется, проѣхать двѣ-три станціи, и мы будемъ въ Екатеринбургѣ, добавилъ пассажиръ.

Поблагодаривъ его за совѣтъ побывать въ Екатеринбургѣ, я сказалъ что ѣду въ Омскъ на службу.

— Что это за городъ, не жилали-ли вы и въ немъ? спрашиваю его.

— Проѣздомъ въ немъ бывалъ не разъ и не два, а жить въ немъ постоянно не приходилось. Городъ большой. Крупный правительственный центръ. Жизнь въ немъ не дорога, но по общему говору тяжела. Городъ съ удушливой и затхлой атмосферой, насыщенной сверху до низу сплетнями, интригами, кумовствомъ и nepотизмомъ. Другая особенность Омска — обиліе учебныхъ заведеній всякаго рода и вида. У кого дѣти въ учебномъ возрастѣ, — это наиболѣе подходящий городъ для жизни. Едва-ли найдется другой такой городъ въ Сибири. Самые большіе сибирскіе города — Томскъ и Иркутскъ — уступаютъ въ этомъ отношеніи Омску. Тутъ существуетъ географическій отдѣлъ съ богатымъ коллекціями музеемъ и библиотекой. Да вотъ, поживете тамъ, убѣдитесь сами и вспомните меня. Хотя вамъ, однако, придется ждать парохода на Омскъ въ Тюмени, закончилъ монологъ свой екатеринбургскій пассажиръ, обращаясь къ женѣ.

— Почему? спросила моя жена.

— Вы насъ совсѣмъ обезкуражили! воскликнулъ я.

— Сколько мнѣ помнится, одинъ разъ въ двѣ или три недѣли пароходъ дѣлаетъ рейсъ на Омскъ-Семипалатинскъ. Вотъ на Томскъ — чаще. Пароходная компанія, очевидно, находитъ невыгоднымъ для себя чаще дѣлать рейсы по Иртышу къ Омску и далѣе.

Сообщеніе это насъ крайне опечалило. Придется томиться въ Тюмени, въ ожиданіи Омскаго парохода.

— А я вотъ прямо съ поѣзда попаду на пароходъ въ Омскъ, весело замѣтила спутница наша, Шведка. — Поѣдемте вмѣстѣ со мной до Томска, а оттуда вы уже доберетесь на лошадяхъ въ Омскъ.

— Маленькое круговое путешествіе по Сибири сдѣлаетъ, шутливо замѣтила она.

Но намъ съ женой не до шутокъ было. Проѣхавъ уже нѣсколько тысячъ верстъ, сдѣлать еще круговое путешествіе было бы слишкомъ утомительно.

Что-же дѣлать? задалъ я себѣ вопросъ. Ожидать-ли въ Тюмени парохода или избрать другой путь чтобы поскорѣе добраться до Омска?

— Да вы по пріѣздѣ въ Тюмень узнаете, когда пароходъ пойдетъ на Омскъ. Если черезъ двѣ-три недѣли, посоветовалъ мнѣ екатеринбургскій пассажиръ, — то поѣзжайте на лошадяхъ почтовымъ трактомъ прямо на Омскъ чрезъ Ялutorовскъ, Ишимъ и Тюкалу. Этотъ маршрутъ внесетъ нѣкоторое разнообразіе въ ваше путешествіе. Кстати, познакомитесь и съ этими маленькими, чисто сибирскими, городами, въ сущности, мало похожими на города... А вотъ мы подъѣзжаемъ и къ Екатеринбургѣ, замѣтилъ при этомъ тотъ-же пассажиръ нашего вагона.

Прошло нѣсколько минутъ до остановки поѣзда и передъ нашимъ любопытнымъ взоромъ открылась красивая панорама Екатеринбурга. Городъ весь утопалъ въ зелени окружающихъ горъ. Впечатлѣніе онъ произвелъ на насъ болѣе выгодное, чѣмъ его метрополія — Пермь.

Прощаясь съ нами и пожелавъ намъ счастливаго дальнѣйшаго пути, екатеринбургскій пассажиръ еще разъ посоветовалъ мнѣ побывать въ Екатеринбургѣ — этомъ поистинѣ, какъ онъ выразился, культурно-торгово-золото-промышленномъ центрѣ Приуралья.

VII.

Прошло еще немного времени и мы двинулись дальше по направлению къ Тюмени. Уральскія горы остались позади насъ и мы мчимся уже, спускаясь съ горъ—послѣднихъ отроговъ Урала, по знаменитой сибирской низменности, раскинувшейся, какъ говорится въ учебникахъ географіи, отъ Урала до Тихаго или Великаго Океана и омываемой съ другой стороны Сѣвернымъ Ледовитымъ океаномъ.

Еще далеко было до Тюмени, но публика въ вагонахъ начала уже суетиться, собирая свой багажъ. У каждого изъ пассажировъ, ѣхавшихъ издалека, багажа бываетъ много, а у русскаго человѣка въ особенности, не то что у иностранцевъ, привыкшихъ обходиться съ малымъ ручнымъ багажемъ. Иностранецъ, собираясь въ далекое путешествіе, беретъ съ собой самое необходимое. Русскій человѣкъ уѣзжаетъ на нѣсколько часовъ, а багажу беретъ на нѣсколько дней и обыкновенно мучается въ дорогѣ съ этимъ багажемъ.

Глядя на другихъ, и мы съ женой стали собираться. Окончили сборъ багажа, а до Тюмени еще нѣсколько часовъ осталось ѣхать. Что дѣлать? Начались разпросы про Тюмень: что это за городъ, гдѣ можно въ немъ остановиться, долго ли придется ждать парохода?..

Шведка и тутъ пришла къ намъ на помощь. Она нѣсколько разъ проѣзжала чрезъ Тюмень, жила въ ней долго, находясь въ такомъ же положеніи, какъ и мы.

— Въ Тюмени есть гдѣ остановиться. Въ ней нѣтъ, конечно, московскихъ отелей, а московскіе номера найдутся. Поѣдемте въ городъ вмѣстѣ со мной, предложила намъ Шведка.

— Отлично, премного будемъ вамъ благодарны, сказала жена.

Пассажиры, видимо, начинаютъ томиться, желая поскорѣе доѣхать до Тюмени. То одинъ, то другой спрашиваютъ у кондукторовъ: скоро ли Тюмень? А нѣкоторые заглядываютъ въ окна, выходятъ на площадку смотрѣть: не видна ли Тюмень. Словомъ, у всѣхъ на языкѣ Тюмень, Тюмень и Тюмень.

Вышелъ и я на площадку. Картина природы та же что и по ту сторону Урала, гдѣ-нибудь въ Уфимской или Нижегородской губерніи. Разница лишь та что здѣсь не замѣ-

чаешь такого обилія пашень, какъ тамъ, гдѣ они тянутся непрерывной полосой отъ села до села на десятки верстъ.

Сибирскій просторъ, раздолье и безлюдье уже сказываются. Но пройдетъ, быть можетъ, нѣсколько десятилѣтій,—и здѣсь¹⁾ окажется тѣсно, какъ и по ту сторону Урала, гдѣ, какъ выразился картинно одинъ острякъ-переселенецъ, бросишь палку, долетитъ до ближайшей деревни, пустишь курицу, зайдетъ къ сосѣду-землевладѣльцу.

Возвращаясь въ вагонъ. Спутница наша, Шведка, занялась сборами. Начала приводить въ порядокъ свою коллекцію, которую она за время проѣзда по Россіи приобрѣла у представителей разныхъ народностей Россіи. Она накупила много образчиковъ одежды, головныхъ украшеній, бусъ, какія носятъ наши Черемисы, Мордва, Вотяки, Великороссы, Малороссы, Бѣлороссы, Татары и др.

— Зачѣмъ это вамъ? спрашиваетъ жена Шведку.

— А я всю эту коллекцію пошлю въ Швецію, въ даръ музею моего роднаго маленькаго города, сказала она.—Когда мнѣ придется вернуться въ Швецію изъ Россіи и остаться тамъ дожить свою жизнь, эта коллекція въ родномъ музеѣ будетъ служить для меня пріятнымъ воспоминаніемъ о Россіи и Русскихъ, добавила Шведка.

Такимъ отвѣтомъ ея мы съ женой были нѣсколько сконфужены. Думалось намъ: вотъ какіе путешествуютъ образованные иностранцы. Не то что мы Русскіе. У нихъ, напри- мѣръ, въ маленькихъ городкахъ Швеціи имѣются музеи, о которыхъ они не забываютъ, находясь и вдали отъ родины, а у насъ въ Россіи? Только въ столицахъ и найдешь ихъ. Правда, въ послѣднее время и у насъ въ крупныхъ губернскихъ городахъ и университетскихъ центрахъ стали устраивать областные естественно-художественно-историческіе музеи. Въ Кіевѣ собираются строить. Въ Одессѣ, Саратовѣ и др. городахъ уже имѣются музеи. А что можно сказать про наши маленькіе города? Какое, подумаешь, отрадное явленіе и исключеніе составляетъ существованіе музеевъ въ такихъ маленькихъ городахъ Сибири, какъ Семипалатинскъ, а въ особенности Минусинскъ, приобрѣвшій своимъ музеемъ извѣстность даже въ Европѣ, откуда пріѣзжаютъ туда изучать

1) Въ Сибири, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ ея районахъ, уже въ настоящее время раздаются голоса мѣстныхъ старожилонъ-крестьянъ на стѣненіе въ земельныхъ угодьяхъ. А что же будетъ впоследствии?

коллекцій знаменитые ученые и путешественники. Вотъ вамъ и Сибирь, страна ссылки, неволи и каторги! И здѣсь люди умѣютъ жить разумной культурной жизнью и работать на благо родины безо всякаго шума и треска. И такихъ людей не мало. Число ихъ все растетъ. Минусинскій музей всецѣло обязанъ своимъ возникновеніемъ и процвѣтаніемъ незабвенному и почтенному сибирскому дѣятелю Н. Г. Мартянову, его неутомимой энергіи, преданности дѣлу и необычайному трудолюбію. Или вотъ еще примѣръ замѣчательнаго пробужденія духа сибирскаго общества, наглядно выразившійся при постройкѣ въ Томскѣ перваго сибирскаго университета. Университетъ этотъ въ значительной степени обязанъ своимъ возникновеніемъ и быстрымъ сооруженіемъ крупнымъ и многочисленнымъ пожертвованіямъ многихъ частныхъ лицъ — бѣдныхъ и богатыхъ Сибиряковъ.

Когда я разказалъ Шведкѣ о Минусинскомъ музеѣ, объ его богатѣйшихъ и разнообразнѣйшихъ коллекціяхъ, которыми интересуются даже въ Западной Европѣ первоклассные ученые и знаменитые путешественники, спутница наша удивилась и, въ свою очередь, сконфузилась, такъ какъ она никогда раньше не слыхала объ этомъ музеѣ...

— Господа пассажиры, приготовьте билеты ваши! вдругъ раздался сзади насъ голосъ кондуктора, за которымъ слѣдовалъ контролеръ поѣзда, въ сопровожденіи оберъ-кондуктора.

— А чтò, не къ Тюмени ли уже подъѣзжаемъ? спросили вдругъ нѣсколько пассажировъ.

— Да! былъ отвѣтъ.

И въ вагонахъ среди пассажировъ поднялась суеда. Доѣхали, наконецъ, до станціи Тюмень.

VIII.

Въ Тюмени мы поселились вмѣстѣ съ нашей спутницей Шведкой, которой не удалось, къ ея огорченію, попасть прямо съ поѣзда на пароходъ въ Томскъ. Послѣдняго въ тотъ день не оказалось: нужно ждать дня три-четыре въ Тюмени. Что же касается нашего Омскаго парохода, то время отхода его никому не было извѣстно въ Тюмени. Отправились мы всей компаніей на пристань.

— Когда пароходъ пойдетъ, на-дняхъ? спрашиваю на пристани въ конторѣ пароходства.

— Ничего не можемъ сказать вамъ. Можетъ, недѣли чрезъ двѣ-три, а можетъ, и черезъ мѣсяцъ, отвѣтили мнѣ.

На другой день, сверхъ всякаго ожиданія, прибылъ пароходъ изъ Тобольска и въ тотъ же день долженъ былъ отойти въ Томскъ. Спутница наша Шведка несказанно обрадовалась такой неожиданности уѣхать раньше, чѣмъ предполагала, изъ Тюмени.

Проводивъ Шведку до пристани, усадивъ ее на пароходъ, и пожелавъ ей счастливаго пути, мы съ женой еще разъ зашли въ контору пароходства спросить: не слышно ли, когда на Омскъ пойдетъ пароходъ?

— Вашъ пароходъ только что вышелъ изъ Тобольска, отвѣчали въ конторѣ. Чрезъ недѣлю онъ будетъ въ Омскѣ, а потомъ направится въ Семипалатинскъ—и когда онъ вернется оттуда въ Тюмень, тогда вы и поѣдете. Пройдетъ, повидимому, недѣльки двѣ-три. Если вамъ нужно скорѣе попасть въ Омскъ, поѣзжайте на почтовыхъ. Только вотъ бѣда: половодѣ, кажется, нынче большое. А вы рискните, авось живы доѣдете!.. Всего какихъ-нибудь пять сутокъ и вы будете въ Омскѣ!..

Дѣлать нечего. Надо распросить о дорогѣ и ждать попутчиковъ. Одни мы не рѣшались ѣхать слишкомъ 600 верстъ на лошадахъ, впервые по сибирскому почтовому тракту, о которомъ много небылицъ, какъ я въ послѣдствіи убѣдился, приходилось слышать по ту сторону Урала.

А тѣмъ временемъ займемся осмотромъ Тюмени.

Городъ этотъ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ сибирскихъ городовъ. Онъ основанъ въ 1586 г. и даже ранѣе своей нынѣшней метрополіи — Тобольска, бывшаго долгое время грозной столицей Сибирскаго царства, а нынѣ зауряднаго губернскаго города, значеніе котораго все падаетъ и падаетъ, не смотря на выгодное положеніе при впаденіи р. Тобола въ Иртышъ, доступный отсюда даже для большихъ морскихъ пароходовъ.

За то Тюмень выросла и стала самымъ оживленнымъ, населеннымъ и торговымъ городомъ во всей Тобольской губерніи. Узкая, неглубокая Тура, на которой расположена Тюмень, необычайно оживлена въ навигацію.

Крайне любопытную и интересную картину въ эту пору

представляет Тюменская пристань на Турѣ, во время прихода и отхода желѣзнодорожныхъ поѣздовъ и пароходовъ. Какое разнообразіе лицъ, движеніе, суета! Тутъ и ссыльные отправляемые въ дальнюю Сибирь, тутъ и партіи переселенцевъ, прибывшихъ изъ самыхъ разнообразныхъ уголковъ Европейской Россіи и также направляющихся въ разные стороны Сибири искать счастья, какого не имѣли по ту сторону Урала. Много тутъ увидишь и услышишь,—много горя, смѣха и слезъ!..

Городъ далеко не благоустроенъ съ внѣшней стороны: нѣтъ мостовыхъ, плохое освѣщеніе, въ весеннее и осеннее время непроходимая грязь и мракъ на улицахъ, жизнь далеко не безопасна въ ночную пору. Значеніе Тюмени заключается въ пристани, соединенной небольшою вѣточкой съ Уральской желѣзной дорогой, тутъ же въ Тюмени и оканчивающейся. Удивительная вещь, возможная только у насъ на Руси! Построили Уральскую дорогу и не достроили. Отчего бы не довести ее до Тобольска? А это было бы такъ естественно и вполне отвѣчало бы нуждамъ и пользамъ не только одной Тобольской губерніи, но и всей Сибири, съ какой бы стороны ни посмотреть на дѣло.

Тюмень съ ея пристанью на Турѣ, узкой и неглубокой рѣкѣ, изобилующей мелями и перекатами, на которой съ трудомъ могутъ оборачиваться пароходы, тянущія за собой громадныя баржи, положительно не годится быть конечнымъ пунктомъ Уральской желѣзной дороги, которую необходимо протянуть далѣе до Тобольска, являющагося естественнымъ и самымъ подходящимъ конечнымъ пунктомъ желѣзной дороги, въ виду близости его къ морю и при узлѣ рѣчной системы Западной Сибири, на широкомъ, глубокомъ и судоходномъ Иртышѣ. Интересы этой дороги тѣсно связаны съ интересами навигаціи по рѣкамъ Западной Сибири, и вполне окупились бы расходы по эксплуатаціи продолженія этой новой дороги, а главное, оживились бы торговля и промышленность, поднялось бы благосостояніе обширнаго края и возвратилось бы прежнее значеніе Тобольска, бывшей столицы Сибирскаго царства. Тобольская городская дума давно уже хлопочетъ объ этомъ.

Борьба между Тюменью и Тобольскомъ, какъ въ давнія времена между „господиномъ Новгородомъ-Великимъ“ и пригородомъ Торжкомъ, продолжается, однако, до настоящаго вре-

мени. Чѣмъ окончится она, покажетъ ближайшее будущее. Тѣмъ не менѣе Тюмень успѣшила обзавестись землечерпательной машиной, чтобы поднять плохую репутацію своей мелководной Туры, изобилующей мелями и перекатами, препятствующими свободному проходу пароходовъ и баржъ.

Второй или третій годъ дѣйствуетъ на Турѣ землечерпательная машина, но, повидимому, неудачно, къ крайнему огорченію Тюмени и вершителей ея судебъ.

Благодаря Уральской желѣзной дорогѣ, какъ мы уже сказали, значеніе Тюмени, бывшей незначительнымъ уѣзднымъ или окружнымъ, по Сибирской терминологіи, городомъ подобно Ишиму, Ялуторовску, Кургану и др., необычайно возросло. Тюмень сдѣлалась крупнѣйшимъ торгово-промышленнымъ центромъ, послѣ Екатеринбурга и Ирбита съ ея знаменитой ярмаркой, въ Сѣверо-западной Сибири и, кромѣ того, громаднымъ сборнымъ переселенческимъ пунктомъ, куда до послѣдняго времени стекались десятки тысячъ крестьянъ переселенцевъ изъ-за Урала. Значеніе это, однако, въ настоящее время Тюмень теряетъ, съ постройкой Западно-Сибирской желѣзной дороги, уступая свою роль другимъ городамъ: Челябинску и Омску.

Крестьянскій и переселенческій вопросъ—больное мѣсто въ Россіи. А для Сибири переселенческій вопросъ—будущность ея. При удачномъ, умѣломъ рѣшеніи его, она перестанетъ быть Сибирью, страной ссылки, каторги и неволи, а станетъ такой же Русью что и по сю сторону Урала.

Жизнь переселенцевъ въ Тюмени, нѣсколькимъ тысячамъ коихъ набережная Туры служить мѣстопробываніемъ, составляетъ любопытную страницу въ лѣтописи Тюменской. Изъ обзорѣнія данныхъ Тюменской регистраціи крестьянъ-переселенцевъ отъ 1885 г. до 1893 г., которая велась подъ наблюденіемъ переселенческаго чиновника г. Архипова, видно что наибольшее число переселенцевъ-крестьянъ дала за это время центральная земледѣльческая полоса Россіи: 26,547 семей или 171,555 человекъ. Изъ этой полосы особенно сильной эмиграціей отличаются Курская и Тамбовская губерніи. Обѣ онѣ стоятъ во главѣ переселенческаго движенія. Изъ первой вышли 10,542 семьи или 70,446 человекъ, изъ второй—6,477 с. или 42,318 человекъ. Послѣ центральной земледѣльческой полосы, по числу выселяющихся, слѣдуютъ уральскія губерніи—12,084 семьи или 58,860 человекъ. Отмѣтимъ при

этомъ Вятскую губ., изъ которой выселились 5,859 семей или 29,260 человѣкъ.

Затѣмъ, въ убывающей прогрессіи, слѣдуютъ: Малороссійскія губерніи давшія Сибири 6,770 сем. или 44,526 чел.; ниже-волжскія—5,664 с. или 32,147 чел.; московско-промышленная область выселила въ Сибирь 1,463 семьи или 7,821 чел.; Новороссійскія губерніи—858 сем. или 4853 чел.; юго-западныя—607 с. или 3,239 чел.; бѣло-русскія губерніи—467 с. или 2836 чел.; кавказскія губ.—306 с. или 1,672 чел.; литовскія—202 с. или 1,015 чел.; сѣверныя губ.—129 с. или 668 чел.; озерныя губ.—31 с. или 156 чел.; привислянскія губ.—14 с. или 81 чел.; балтійскія—11 с. или 57 чел.; финляндскія губ.—2 с. или 9 чел. и наконецъ, Уральская область выселила 1 с. или 13 человѣкъ. Кромѣ того, безъ обозначенія губерній и иностранныхъ подданныхъ зарегистрировано 25 семей или 123 человѣка. Такимъ образомъ, за девять лѣтъ выселились изъ Россіи въ Сибирь 55,181 семейство или 329,631 человѣкъ.

По годамъ эта волна переселенческаго движенія выразится слѣдующимъ образомъ:

годъ	семьи	или	человѣкъ.	годъ	семьи	или	человѣкъ.
1885	1932		9678	1889	4478		28341
1886	2382		11826	1890	5496		33720
1887	2604		13910	1891	11225		67994
1888	4242		26129	1892	13239		80015

1893 годъ 9583 семьи или 58018 человѣкъ.

Какъ видите, возрастаніе переселенческаго движенія довольно неравномѣрно. Съ 1893 г. движеніе, повидимому, уменьшалось отчасти, вѣроятно, въ силу запрещенія переселяться въ Сибирь въ 1892 г., за исключеніемъ Амурскаго края, такъ какъ не было приготовлено переселенческихъ участковъ. Это не имѣло, однако, особеннаго значенія, такъ какъ, не смотря на запрещеніе, число прошедшихъ въ 1893 г. переселенцевъ превышаетъ на 4,087 семей то же число за 1890 годъ.

Подсчетъ переселенцевъ по мѣсту выхода показываетъ что главная масса направляется въ Сибирь издалека и должна преодолѣть долгій путь, прежде чѣмъ достигнетъ Тюмени. Отсюда прямой выводъ: переселенцы приходятъ и пріѣзжаютъ въ Тюмень уже усталыми, разбитыми. Ихъ истощенные ор-

ганизмы представляютъ благопріятную почву для развитія всевозможныхъ эпидемическихъ болѣзней. Это явленіе вполне подтверждается тѣмъ что въ настоящее время переселенческія и арестантскія партіи завозятъ и заносятъ съ собой въ Сибирь многія эпидеміи.

Только въ послѣднее время обращено вниманіе на эту сторону переселенческаго вопроса.

Перечень сибирскихъ губерній, излюбленныхъ переселенцами, въ свою очередь, говоритъ намъ что прежде чѣмъ достигнуть обѣтованной земли, крестьяне-переселенцы должны осилить отъ Тюмени еще не малый путь, со всякаго рода лишеніями и невзгодами.

Въ самомъ дѣлѣ, главный потокъ переселенческой волны, какъ извѣстно, направленъ въ Томскую губернію, на земли Кабинета Его Величества. За десять лѣтъ туда прошло 40.874 семьи или 244,099 человѣкъ, то-есть 74,08% всего числа переселенцевъ. Въ средней части губерній, въ округахъ Томскомъ, Мариинскомъ и Каинскомъ, осѣло всего около 4.500 семействъ. На второе мѣсто слѣдуетъ поставить Енисейскую губернію, гдѣ поселилось 4.453 с. или 25.122 чел. Тобольская губернія занимаетъ третье мѣсто: въ ней осѣло 4.326 с. или 26.346 чел. Въ Приамурскій край прошло переселенцевъ 2449 сем. или 16.130 человѣкъ. Въ Степной край—2.899 сем. или 17.013 чел. Въ Иркутскую губернію прошло 123 сем. или 615 чел.; въ Туркестанскій край—17 сем. или 71 чел. Безъ обозначенія губерній прошло 35 сем. или 213 чел. Якутская область нашла мало охотниковъ; въ ней поселилось 5 сем. или 22 человѣка.

Т. И. Тихоновъ.

Г. Омскъ, 1896 г.

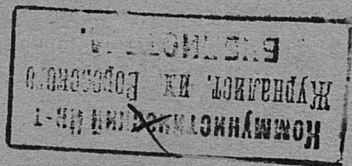
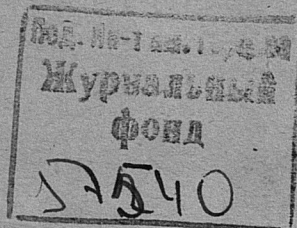
РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ Сорокъ седьмой.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ Сорокъ второй).

1897.

ФЕВРАЛЬ.

Типографія В. В. Чичерина,
прот. Марьиной слоб., за Камеръ-Коллеж. вал., соб. д., 2 ст. Моск. уѣзда.
1897.

408

1679

ЗА УРАЛОМЪ—ВЪ СИБИРИ.

Очерки и картинки сибирской жизни.

ПИСЬМО ВТОРОЕ *).

I.

Теперь вернемся къ Тюмени, къ Турѣ и ея набережной. Переселенцы, прибывающіе сюда, размѣщаются на полѣ, по берегу рѣки Туры. На этомъ полѣ находятся переселенческіе бараки, фельдшерскіе пункты и изба, гдѣ производится статистическій опросъ переселенцевъ. Бараки вмѣщаютъ лишь незначительную часть ихъ. Большинству приходится оставаться подъ открытымъ небомъ, какъ это было и въ Перми. Переселенцы строятъ себѣ палатки, или размѣщаются въ телѣгахъ, у кого они есть, съ приподнятымъ верхомъ изъ холста. Такія первобытныя помѣщенія, само собою разумѣется, не защищаютъ отъ вѣтра, дождя и холода. Кромѣ того, скопление такой массы людей вызываетъ всевозможныя эпидемическія болѣзни.

Выше уже указано обстоятельство, способствующее заболѣваемости переселенцевъ, а именно: истощенность ихъ организма послѣ долгаго пути, обставленнаго хуже чѣмъ, на примѣръ, транспортъ гуртовъ убойнаго скота. Но и само по себѣ поле, на которомъ располагаются въ Тюмени переселенцы, можетъ заразить всякаго, даже совершенно здороваго, человѣка. Несмотря на обширность, оно насквозь про-

*) См. *Русскій Вѣстникъ*, январь, 1897 г.

питано зловоніемъ, которое издають ямы, вырытыя между палатками. Доступъ къ рѣкѣ затруднителенъ, такъ какъ приходится лавировать между тысячами палатокъ, ямъ, повозокъ, телѣгъ, проталкиваясь чрезъ многотысячную толпу. И вотъ бѣлье полощется въ гнилой, не совсѣмъ еще высохшей лужѣ. Тутъ же барахтается масса ребятишекъ, здѣсь же на берегу валяется издохшая кляча переселенца.

Въ 1894 году, кромѣ того, чувствовался большой недостатокъ воды. „Намъ приходилось видѣть, говоритъ Тюменскій обыватель въ *Степномъ Краѣ*,—какъ съ ранняго утра къ колодцу тянулась длинная вереница переселенцевъ съ ведрами: всѣ ждутъ своей очереди, ждутъ иной разъ полдня съ тѣмъ чтобъ уйти отъ истощеннаго колодца съ пустыми ведрами. Въ тотъ же годъ столовая для переселенцевъ дѣйствовала слабѣе прежнихъ лѣтъ, такъ какъ многимъ переселенцамъ не доставало горячей пищи“ ¹⁾.

Не лишень, поэтому, интереса вопросъ, какъ долго при-
нуждены бываютъ переселенцы оставаться въ Тюмени на неполучномъ полѣ, у рѣки Туры, и какъ эта остановка отражается на ихъ здоровьѣ? Отвѣтомъ могутъ служить цифры ежедневнаго движенія чрезъ Тюмень за извѣстный періодъ времени, напри-
мѣръ, съ 8-го апрѣля по 2-е іюля 1894 года. Цифры эти говорятъ что до начала мая движеніе слабо, но начиная съ половины этого мѣсяца, оно сильно увеличивается. Въсѣтъ
возрастаетъ и число переселенцевъ, ожидающихъ отправки.

Къ 20-му мая 1894 г. въ Тюмени оставалось 4,124 чел., 22-го мая уже было 5,935 чел. Увеличиваясь съ каждымъ днемъ, число это къ 25-му мая превысило 7,000 чел., а къ 3-му іюня скопленіе переселенцевъ достигло наивысшей цифры 17,804 чел.

За весь іюнь отправлено было по тракту изъ Тюмени 8,071 чел. и на пароходахъ 22,051 чел. Значитъ, ежедневно, среднимъ числомъ, отправлялось до 1,000 чел. Такимъ образомъ чтобъ отправить всѣхъ скопившихся 17,000 переселенцевъ, пришлось бы употребить 17 дней. Но при этомъ ежедневная прибыль равнялась 700 чел.

Перейдемъ теперь къ вопросу о смертности переселенцевъ въ Тюмени, на основаніи таблицы, опубликованной въ газетѣ *Степной Край* за 1895 годъ.

¹⁾ См. газ. *Степной Край*, за 1895 г.

Съ 9-го апрѣля по 31-е августа 1894 г. умерло въ Тюмени переселенцевъ 893 чел., причемъ изъ нихъ на возрастъ свыше 15 лѣтъ приходится всего 56 смертныхъ случаевъ; всѣ же остальные случаи приходятся на долю дѣтскаго возраста, причемъ 78,5% всѣхъ смертныхъ случаевъ пало на возрастъ до 5 лѣтъ.

Интересно также сопоставленіе данныхъ о заболѣваніяхъ и смертности переселенцевъ въ Тюмени за 1893 и 1894 гг. Лѣтомъ 1894 г. врачебнаго персонала въ Тюмени, неизвѣстно почему, было меньше, чѣмъ лѣтомъ 1893 г. Это, конечно, отразилось на размѣрахъ заболѣваній и смертности. Въ 1894 году въ Тюменской больницѣ перебивало больныхъ переселенцевъ гораздо больше, чѣмъ въ 1893 г. (597 противъ 331), а умерло переселенцевъ въ 5 разъ больше (893 противъ 155). Между тѣмъ за лѣто 1894 года до 2 іюля прошло чрезъ Тюмень переселенцевъ 51,611 чел., а въ 1893 г. общая цифра была 58,018 человекъ.

Сравнивая цифру смертности (893) съ цифрой заболѣваній по больничнымъ даннымъ (597), необходимо заключить, что, по крайней мѣрѣ, половина погибшихъ дѣтей оставались безо всякой медицинской помощи.

Особенно сильно свирѣпствовали въ 1894 г. среди переселенцевъ заразные болѣзни, которыя дали въ 16 разъ больше смертныхъ случаевъ (684), чѣмъ въ 1893 году (43): одна корь въ 1894 г. унесла 364 противъ 7 въ 1893 г. Ясно что чрезмѣрная смертность переселенцевъ въ Тюмени въ 1894 г., давшая смертныхъ случаевъ въ 10 разъ больше чѣмъ въ 1893 г., явилась прямымъ послѣдствіемъ большаго скопленія переселенцевъ, недостатка воды и уменьшенія врачебнаго персонала.

Вотъ каковы результаты двухъ-трехнедѣльнаго пребыванія переселенцевъ въ Тюмени. Но то же ждетъ ихъ и въ дальнѣйшемъ пути по выходѣ изъ Тюмени. Многіе переселенцы, не дождавшись парохода, отправляются въ путь на подводахъ. Громадному же большинству переселенцевъ предстоитъ путешествіе еще болѣе ужасное по условіямъ и гибельное по послѣдствіямъ, чѣмъ остановка въ Тюмени. Это—переездъ на баржахъ по рѣкамъ Западной Сибири до Томска, Барнаула, Омска, Павлодара, Семипалатинска.

На каждой переселенческой баржѣ устроена маленькая больничка, куда можно помѣстить, въ лучшемъ случаѣ, не

больше 12 человѣкъ, включая сюда и фельдшерицу или фельдшера. Больныхъ же бываетъ такъ много что въ больницу помѣщаютъ только особенно опасныхъ, а всѣ прочіе больные остаются въ общемъ помѣщеніи, среди здоровыхъ.

Больнички на баржахъ были устроены крайне небрежно. Всюду страшно дуло. Печей не было, такъ что въ холодные дни, а ихъ было не мало, больные коченѣли отъ стужи.

Пароходство на рѣкахъ Западной Сибири своеобразно. Намъ не приходилось видѣть въ Тюмени на пристани ни одного пассажирскаго парохода, такого какъ на Волгѣ, Камѣ, Днѣпрѣ. Здѣсь пароходы возятъ главнымъ образомъ грузъ, буксируя баржи. Пассажирамъ пароходовладѣльцы дѣлаютъ одолженіе, если берутъ ихъ на пароходъ. Въ силу этого, пассажиръ западно-сибирскихъ пароходовъ переноситъ всякія неудобства, несмотря, однако, на довольно высокую плату за проѣздъ отъ Тюмени до Томска, Омска, Семипалатинска, взимаемую съ нихъ пароходовладѣльцами. Говорятъ что товарищество Богословскихъ заводовъ на Уралѣ и другія компаніи предполагаютъ пустить по рѣкамъ Западной Сибири нѣсколько чисто-пассажирскихъ пароходовъ, одинаковаго типа съ волжскими и камскими. Давно бы пора!..

Переселенцы изъ Тюмени также, какъ мы сказали, ѣдутъ на пароходахъ съ двумя или одной баржей. За время пребывания ихъ на баржахъ или на пароходѣ они подвергаются всяческимъ лишеніямъ. Переѣздъ, напримѣръ, въ Барнаулъ съ одною баржей производится, въ среднемъ, 18 дней, съ двумя баржами—21 день, съ тремя баржами, и такіе случаи бываютъ—23 дня. Въ Томскѣ одинъ пароходъ безъ баржей приходитъ на 12 день, а съ баржами употребляется на тотъ же переѣздъ уже 16, иногда даже 20 дней. Фельдшерицы, сопровождавшія баржи, говорятъ единогласно что смертность переселенцевъ на баржахъ особенно велика въ послѣдніе дни переѣзда.

Что касается вопроса, насколько здѣсь отражается вліяніе тюменской жизни, то приблизительное понятіе могутъ дать слѣдующія цифровыя данныя: въ маѣ мѣсяцѣ въ 7-й разъ проѣхало 7,856 человѣкъ, умерло 367 чел.; въ іюнѣ въ 20-й разъ проѣхало 21,296 человѣкъ, умерло 1,035 чел., а въ іюлѣ, когда въ Тюмени останавливается сравнительно очень мало переселенцевъ, въ семь разъ проѣхало 3,486 чел., и умерло только 16 дѣтей. Если предположить что пароходы

съ двумя баржами отправлялись изъ Тюмени именно въ іюнѣ, то повышеніе смертности съ 2,1% на 6,5% надо отнести къ вліянію условій тюменской остановки или же ко времени пребыванія переселенцевъ на пароходахъ и баржахъ.

II.

Такія картинки можно встрѣтить въ Сибири ежегодно вотъ уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Каждую весну крестьяне внутреннихъ, малоземельныхъ и густо населенныхъ, губерній Россіи распродаютъ свое жалкое имущество: избу, скоть, разный домашній скарбъ и выручивъ нерѣдко за всю эту „худобу“ гроши, уходятъ въ далекую и необъятную Сибирь.

На прежней родинѣ имъ нѣтъ больше мѣста. И вотъ, цѣлыя тысячи отправляются въ дальнюю Сибирь, попадаютъ въ нечеловѣческія условія жизни въ пути, многіе изъ нихъ гибнутъ, далеко еще не достигнувъ обѣтованной земли. Незначительная часть переселенцевъ-крестьянъ ищетъ счастья: гдѣ лучше? Огромное же большинство ихъ бѣжитъ въ Сибирь отъ несчастья по ту сторону Урала... И такъ ежегодно...

Впрочемъ, съ проведеніемъ Западно-Сибирской желѣзной дороги, Тюмень потеряетъ исключительное значеніе громаднаго сборнаго переселенческаго пункта и свою роль передастъ Челябинску. Когда мы заканчивали это письмо, мы прочли въ газетѣ *Степной Край* (№ 42, 1896 г.) что въ нынѣшнее лѣто въ гор. Челябинскѣ близъ желѣзнодорожнаго вокзала скопилось около 15,000 переселенцевъ изъ разныхъ концовъ Европейской Россіи. Другими словами, образовался цѣлый городъ безъ жилыхъ построекъ, съ населеніемъ въ 1½ раза большимъ, чѣмъ населеніе гор. Челябинска, и притомъ полуголоднымъ. Вся эта масса народа задержана за неимѣніемъ въ распоряженіи управленія Западно - Сибирской желѣзной дороги достаточнаго количества вагоновъ и паровозовъ. Переселенцы расподжились подъ открытымъ небомъ, тщетно пытаясь укрыться въ холщевыхъ палаткахъ или подъ тюками своего багажа отъ непогоды и дождя. Значительная часть переселенцевъ перебивается впроголодь, потому что не

только въ столовой на переселенческомъ пунктѣ, но и у торговцевъ не хватаетъ, не говоря о щакѣ, даже хлѣба; не только кипяченой, но даже сырой воды нѣтъ по близости въ количествѣ достаточномъ для утоленія жажды этихъ 15,000 человѣкъ. Отсюда понятны причины огромной заболѣваемости и большой смертности среди переселенцевъ.

Какъ велико общее число больныхъ, — это опредѣлить очень трудно. Извѣстно только что ежедневный пріемъ больныхъ въ амбулаторіи переселенческаго пункта простирается до 200 человѣкъ. Однако, эта цифра не даетъ никакого представленія о положеніи переселенцевъ въ отношеніи заболѣваемости, такъ какъ большая часть заболѣвшихъ предпочитаютъ безъ медицинской помощи лежать, зарывшись въ кучу своего грязнаго и сыраго багажа; обратившимся за совѣтомъ ко врачу приходится дѣлать то же самое, за отсутствіемъ больницы, а при амбулаторіи есть помѣщеніе только кроватей на десять. При подобныхъ условіяхъ лѣченіе становится бесполезнымъ занятіемъ.

Особенно сильно распространилась дизентерія. Этими больными былъ заполненъ цѣлый баракъ, уступленный желѣзнодорожною администраціей для помѣщенія больныхъ. Движеніе переселенцевъ, хотя и ожидавшееся, застало Челябинскій переселенческій пунктъ, равно какъ и другіе гдѣ также замѣчается громадное скопленіе переселенцевъ терпящихъ тѣ же невзгоды, какъ бы врасплохъ: ни помѣщеній для защиты хотя бы отъ дождя, ни больницы для помѣщенія всѣхъ больныхъ, ни хорошо организованной столовой и пр. не оказалось въ потребныхъ размѣрахъ.

И въ нынѣшнемъ году, какъ и въ предшествующіе, переселенческое движеніе застигаетъ мѣстную администрацію врасплохъ. Но когда же, наконецъ, прекратится этотъ „расплохъ!“

Много времени, конечно, ушло безъ пользы. Отчаиваться, однако, не слѣдуетъ и будемъ надѣяться что все измѣнится къ лучшему въ нашей колонизаціонной политикѣ и что, съ постройкой Сибирской желѣзной дороги, крестьянъ-переселенцевъ встрѣтять въ ближайшемъ будущемъ новыя условія жизни какъ въ пути, такъ и на новыхъ мѣстахъ въ Сибири.

III.

Вернемся къ Тюмени. Мы съ женой уже пятыя сутки живемъ въ городѣ, въ ожиданіи прибытія парохода. Въ такомъ же положеніи очутились не мы одни. Два дня тому назадъ пріѣхали изъ Россіи двое молодыхъ людей съ которыми я познакомился на пристани. Оказалось что они наши попутчики до Омска.

Одинъ изъ нихъ былъ блондинъ, скромный молодой человекъ, вольнослушатель Московскаго университета. Онъ возвращался изъ Москвы въ Омскъ чтобы готовиться къ экзамену на аттестатъ зрѣлости и затѣмъ перемѣнить званіе вольнослушателя на студента.

Другой молодой спутникъ нашъ былъ красивый высокій брюнетъ. По профессіи онъ былъ ветеринарный врачъ котораго министерство командировало въ киргизскую степь для борьбы съ чумой и другими эпизоотіями; ѣхалъ онъ прямо изъ Петербурга.

Наши спутники оказались любезными и интересными собесѣдниками. Мы съ женой повеселѣли. Рѣшили ѣхать на почтовыхъ, не дожидаясь парохода, который, какъ намъ заявили въ послѣдній разъ въ конторѣ на пристани, „можетъ-быть и совсѣмъ не пойдетъ туда, куда вамъ хочется.“ Послѣ столь любезнаго отвѣта пропала всякая охота дожидаться парохода. Вольнослушатель Московскаго университета оказался Сибирякомъ. Онъ родился, выросъ и воспитался въ Сибири. Отлично знаетъ почтовый трактъ, по которому ему неоднократно приходилось ѣздить во всякое время года. Онъ-то главнымъ образомъ уговорилъ и убѣдилъ насъ съ женой и симпатическаго ветеринара ѣхать на лошадахъ.

— Живо проскачемъ какія-нибудь 660 верстъ, а на третьи сутки будемъ въ Омскѣ! воскликнулъ онъ.

— Ну, ужъ на третьи едва ли? хорошо будетъ если попадемъ туда на 5 или на 6 день, замѣчали мы скептически.

— Увидите!..

— Посмотримъ!..

У ветеринара оказался револьверъ. Вотъ, подумали мы съ женой, предусмотрительный человекъ! А мы то?

Сказано, рѣшено и сдѣлано. Взяли мы, всѣ четверо, двѣ

почтовые тройки; уложили ямщики вещи и тронулись изъ Тюмени въ дальній путь. Впереди ѣхали попеременно то мы, то наши попутчики съ револьверами. Намъ предстояло проѣхать до 40 почтовыхъ станцій, въ томъ числѣ чрезъ сибирскіе уѣздные села, по мѣстной терминологіи, окружные города: Ялutorовскъ, Ишимъ и Тюкалу.

Съ чувствомъ живѣйшей радости оставили мы людную Тюмень.

Солнце весело улыбалось намъ. Стоялъ полдень. Солнечные лучи такъ согрѣвали что въ экипажѣ становилось жарко, душно, а въ воздухѣ пыльно. Дорога гладкая и ровная. Была первая половина мая. По обѣимъ сторонамъ дороги роскошный коверъ зелени, цвѣтовъ. Изрѣдка по дорогѣ попадались небольшія березовыя рощицы, или по мѣстному названію, „колка.“ Мы съ женой съ нетерпѣніемъ ожидали въѣзда въ сибирскіе лѣса, о которыхъ было такъ много писано и говорено.

Ожиданія наши не оправдались: лѣса здѣсь были когда-то, да сплыли.

— Скоро ли будемъ проѣзжать лѣсомъ дремучимъ, спрашиваю ямщика, человѣка лѣтъ пятидесяти.

— Да вотъ лѣсъ! Другихъ какихъ-либо лѣсовъ, кромѣ березовыхъ колокъ, здѣсь, господинъ, и не найдешь, показалъ онъ кнутовищемъ на небольшой, чахлый, рѣдкій березовый перелѣсокъ.

— И такъ, всюду, на далекое разстояніе?

— Нѣтъ, зачѣмъ всюду? За Тару къ Tobольску нейдутъ урманы, а далѣе къ Томску — тайга. Вотъ гдѣ настоящіе сибирскіе лѣса. А здѣсь до самаго Омска лѣсъ и названія этого не стоитъ... Эй вы, рѣзвыя мои, прикрикнулъ ямщикъ на лошадей, пустилъ ихъ въ гору всей, что называется, рысью и свистнулъ при этомъ рѣзко, пронзительно какимъ-то, особеннымъ способомъ.

IV.

— Ради Бога, тише, тише! останавливаю его. — Этакъ ты, пожалуй, и насъ разнесешь, и экипажъ.

— Видно, ты, баринъ, по сибирскимъ дорогамъ не ѣзжалъ. А вотъ, бывало, я возилъ генераль-губернатора Казнакова. Положеніе у него было: меньше 20 верстъ въ часъ не дѣлать. Страсть какъ любилъ ѣздить быстро генераль—царство ему небесное!

— Ну, на то онъ генераль-губернаторъ. А мы съ тобой будемъ ѣхать потише. Знаешь русскую поговорку: тише ѣдешь, дальше будешь.

— Какъ не знать, знаю.

Дѣйствительно, въ Сибири почтовая ѣзда гораздо скорѣе чѣмъ въ Россіи, по ту сторону Урала. Сдѣлавъ перегонъ въ 30 верстъ между двумя станціями меньше чѣмъ въ два часа, никого не удивишь. Почтовые ямщики и такъ-называемые вольные „дружки“ безо всякаго понужденія дѣлаютъ такіе перегоны. Быстрая ѣзда вошла въ привычку въ Сибири, благодаря громадности разстояній.

Уже нѣсколько станцій, или, по мѣстному, „станковъ“, мы проскакали. Жара и духота не прекращается. Майское солнце словно сдѣлалось знойнымъ, июльскимъ. И такая жара стояла отъ Перми до самаго Омска. Всѣ на дорогѣ жаловались на нее. Будетъ засуха—быть бѣдѣ. Кобылка, этотъ хлѣбный бичъ Юго-Западной Сибири, отродится и пожретъ посѣвъ. Хоть бы дождичку послалъ Господь! молили крестьяне.

По дорогѣ сплошь и рядомъ мы были свидѣтелями многочисленныхъ процессій: хожденія вокругъ села или деревни толпы крестьянъ, — мужчинъ, женщинъ и дѣтей, — съ иконами, съ пѣніемъ хоромъ къ наиболѣе почитаемымъ крестьянами святымъ угодникамъ.

Вотъ мы проѣхали Ялutorовскъ. Городъ маленький — меньше нѣкоторыхъ сель, чрезъ которыя мы проѣзжали. Та же архитектура домовъ, что и въ селахъ; очевидно, городъ возникъ по чисто-административнымъ соображеніямъ. Въ Ялutorовскѣ, какъ и въ другихъ сибирскихъ городахъ, при вѣздѣ въ городъ самымъ величественнымъ зданіемъ являются тюремный замокъ. Нѣкоторые жители Ялutorовска по-прежнему занимаются земледѣліемъ: сѣютъ и пахутъ. Занятіе, какъ извѣстно, далеко не городское. Много ссыльныхъ въ городѣ; отъ нихъ жители терпятъ много зла.

— Ямщикъ, далеко ли осталось до Ишима? спрашивалъ я, видя усталость на лицѣ жены отъ безостановочной быстрой ѣзды.

— Да, вонъ, виднѣется роща березовая, а за ней и городъ.

Прошло нѣсколько минутъ. Ямщикъ подогналъ лошадей и мы начали вѣзжать въ веселую березовую рощицу, раскинувшуюся по обѣимъ сторонамъ дороги въ Ишимъ. Мы въ городѣ, на почтовой станціи.

Жена содержателя станціи любезно встрѣчаетъ насъ и спутниковъ нашихъ. Предлагаетъ пообѣдать и отдохнуть. Часъ былъ обѣденный. Мы всѣ охотно согласились, предвкушая вкусный и сытный обѣдъ. Но надежды наши не оправдались.

На всѣхъ станціяхъ до Ишима и за Ишимомъ на каждый вопросъ, сколько слѣдуетъ за то и то (самоваръ, закуска, ночлегъ), всякій разъ намъ отвѣчали: „сколько положите, на томъ и благодаримъ.“ Формула эта, какъ видите, нѣсколько неопредѣленная и можетъ порождать разнаго рода неудовольствія съ той и съ другой стороны.

До Ишима мы всѣ доѣхали благополучно безо всякихъ недоразумѣній.

V.

Въ Ишимѣ вышло не то: накормили изъ рукъ вонъ плохо, а взяли съ насъ цѣну, какъ въ столичномъ модномъ ресторанѣ. Мало того. Опасались не получить сдачи съ данной для расчетовъ хозяину крупной кредитной бумажки. Хозяинъ пошелъ мѣнять и пропалъ на нѣсколько часовъ. Пора уже ѣхать: лошади запряжены, а его все нѣтъ и нѣтъ. Что тутъ дѣлать? Мы къ хозяйкѣ...

— Эхъ, господа, зачѣмъ вы его посылали мѣнять? Онъ у меня запиваетъ, гдѣ-нибудь въ кабакѣ сидитъ.

— Пошлите кого-нибудь изъ семьи за нимъ!..

Наконецъ, „запивающій“ хозяинъ вернулся, получивъ отъ своей супруги порядочный нагоняй. Деньги подали всѣ, за исключеніемъ одного „рублика“; я его, говоритъ, просчиталъ при размѣнѣ денегъ. Махнули мы рукой на него и поѣхали.

Ишимъ больше Ялуторовска, оживленнѣе и населеннѣе его. Зимняя ярмарка въ Ишимѣ дѣлаетъ большіе обороты на нѣсколько сотенъ тысячъ, а въ бывшія времена обороты доходили до милліона и выше. Есть въ городѣ прекрасная обще-

ственная библіотека. И здѣсь, какъ и всюду по городамъ Сибири, вы постоянно услышите жалобы на ссыльных,— что житья отъ нихъ нѣтъ. Безнравственность ишимскихъ мѣщанъ изъ ссыльныхъ вошла въ пословицу, такъ что проезжающіе за нѣсколько сотъ верстъ отъ Ишима предупреждаются быть осторожнѣе при проѣздѣ чрезъ г. Ишимъ. И то же вы услышите въ Тюкалѣ, Омскѣ, Каинскѣ, Томскѣ, Иркутскѣ и далѣе, вплоть до береговъ Великаго Океана. Какъ было прежде, такъ и теперь осталось...

И насъ также предупреждали передъ Ишимомъ и за Ишимомъ. Но мы проѣхали опасныя мѣста днемъ и вполне благополучно.

Мы ѣдемъ извѣстной по плодородію ишимской степью, которая къ югу называется уже киргизской. Ишимскій округъ и сосѣдній съ нимъ Курганскій искони считались житницей Сибири. Рядъ неурожаевъ за послѣдніе годы подорвалъ значительно эту репутацію округовъ. Въ тотъ годъ когда намъ приходилось проѣзжать по Ишимскому округу, небывалая засуха и появившаяся въ несмѣтномъ количествѣ „кобылка“ истребила посѣвы. Бѣдствіе охватило всю южную часть Тобольской губерніи, Оренбургскую, Пермскую губерніи и нѣкоторые уѣзды Акмолинской области. Что тогда перенесло население этого обширнаго района,—одному Богу извѣстно!

Проѣхавъ „опасныя“ мѣста, мы все-таки отъ времени до времени справлялись на станціяхъ.

— Какъ дорога? Не пошаливаютъ ли гдѣ-нибудь по близости?..

— У насъ, слава Богу, тихо, а вотъ дальше, около „станка“ Заводоуховскаго, тамъ бываютъ „шалости“, отвѣчали намъ обыкновенно. Ёдемъ дальше...—Ахъ, поскорѣе бы проѣхать Заводоуховскую, гдѣ „пошаливаютъ.“ А до ней еще станція осталась.

Вечерѣтъ. Солнце уже закатилось. Въ воздухѣ душно, словно передъ грозой. Переправились черезъ рѣку Ишимъ, зеркальная поверхность которой не шелохнется. Ни малѣйшаго шума и шелеста въ раскинувшемся по обѣимъ сторонамъ дороги молодомъ березнякѣ. Стемнѣло...

— Далеко ли осталось до станціи? спрашиваю ямщика.

— Версты 1½ или двѣ. За лѣскомъ и „поскотникъ“ уже начинается, а тамъ и Заводоуховская.

— Ну-ка, подгони лошадей. А то мы отстали отъ попутчиковъ. Догони-ка ихъ! Тороплю я ямщика.

Ямщикъ ударилъ кнутомъ по лошадямъ. Тѣ рванулись и вдругъ остановились...

— Чтò случилось?.. Не ось ли сломалась?

— Бѣда, колесо свалилось. Надо надѣть его. Потрудитесь-ка, баринъ, поддержать лошадей, а я пойду въ лѣсокъ и чеку вправлю, сказалъ ямщикъ и пошелъ въ лѣсокъ.

Вотъ тутъ-то мы съ женой не на шутку испугались. Спутники, видимо, далеко были отъ насъ. Колокольчика ихъ не слышно было. Въмѣсто звона колокольчика до насъ издалека доносились раскаты грома и изрѣдка сверкала молнія. Откуда-то взялся вѣтеръ. Раскаты грома все ближе и слышнѣе; молнія—чаще и ярче. А ямщикъ въ лѣску словно пропалъ. Лошади при каждомъ ударѣ грома шарахаются въ сторону. Жена въ страшномъ безпокойствѣ: она до смерти боится грома и грозы. Я чувствую что меня начинаетъ охватывать ужасъ... Хотя бы револьверъ былъ съ нами, думалъ я.—Все же не такъ страшно было бы!

Наконецъ, нашъ ямщикъ вернулся. Провозился онъ съ чекой съ четверть часа, а намъ это показалось вѣчностью. Кое-какъ надѣли колесо и доѣхали до станціи. У воротъ ея мы встрѣтили нашихъ спутниковъ которые, удивясь что насъ нѣтъ, рѣшили ѣхать на встрѣчу намъ.

Мы разказали имъ чтò было съ нами. А они на смѣхъ подняли насъ. Долго потомъ всѣ мы за чаемъ шутили и смѣялись. Но мнѣ съ женой часъ тому назадъ не до шутокъ было.

Ночью разыгралась гроза съ громомъ и молніей. Пошелъ большой и благодатный дождь... Я заснулъ скоро, и крѣпкимъ сномъ, такъ что потомъ пришлось меня будить долго.

VI.

Послѣ дождя окружающая природа повеселѣла; цвѣты на дорогѣ и зелень кустарниковъ сдѣлались ярче. Лошади бѣжали скорой „сибирской“ рысью. Миновали нѣсколько „станковъ“, проѣхали въ Тюкалу или Тюкалинскъ, самый юный

изъ окружныхъ городовъ Тобольской губ. Образованъ онъ въ 1822 году, когда Сибирь была раздѣлена на два генераль-губернаторства, западное и восточное, изъ слободы Тюкалинской, основанной еще въ 1763 г., выходцами изъ Европейской Россіи и, частью, ссыльными.

Въ Тюкалѣ мы только перемѣнили лошадей и проѣхали главной и чуть ли не единственной улицей. Городъ далеко уступаетъ многимъ сибирскимъ притрактовымъ селамъ.

На одной изъ станцій мы свернули къ югу и уже ѣхали киргизскою степью. Передъ нами разстилалась необъятная киргизская степь. Такого яркаго и разнообразнаго по краскамъ ковра, мы давно уже не видали. Трава такая густая и могучая что дороги не видать. Птички то и дѣло выпархивали изъ-подъ колесъ и копытъ, весело щебетали и пѣли. Хотѣлось выйти изъ экипажа, растянуться на спинѣ, любоваться небомъ, слушать природу и дышать степнымъ воздухомъ!.. Но надо ѣхать и спѣшить...

Не вдалекѣ отъ дороги виднѣется небольшое озеро, а возлѣ него высокій деревянный крестъ. Что онъ означаетъ? спрашиваю ямщика.

— Души человѣческія тутъ, на этомъ мѣстѣ, загублены.

— Разкажи, пожалуйста, подробнѣе, если знаешь, поинтересовался я.

— Года два или три тому назадъ, началъ ямщикъ, — остановились тутъ на ночлегъ двѣ или одна переселенческія семьи. Издалека шли и ѣхали. А на утро ихъ не стало. Недѣли черезъ двѣ или три прохожіе остановились у озера. Дѣло было лѣтомъ, жара стояла. Начали купаться и одинъ изъ нихъ наткнулся на мертвое тѣло. Испугались купальщики. Дали знать начальству и вытащили нѣсколько мертвецовъ; потомъ, по нѣкоторымъ примѣтамъ, нашли и душегубовъ, которыхъ осудили и сослали на каторгу. Вотъ что означаетъ этотъ крестъ! закончилъ свой разказъ ямщикъ.

— Бѣдные переселенцы! Я снялъ шляпу и перекрестился, а вслѣдъ за мной и ямщикъ.

— Хорошее ты слово, баринъ, сказалъ! Промолвилъ ямщикъ и ударилъ по лошадамъ.

Мы быстро доѣхали до казачьей станицы—Мельничной. Это уже была послѣдняя станція передъ Омскомъ.

Подъѣзжаемъ къ станціонному двору. Видимъ толпу нарядныхъ казаковъ въ парадной формѣ. Улица передъ дво-

ромъ выметена. Это, видно, не спроста. Обыкновенно казачьи станицы и поселки, да и крестьянскія села и деревни въ Сибири завалены навозомъ, съ которымъ не знаютъ что и дѣлать, такъ какъ полей въ Сибири не удобряютъ.

— Какъ бы лошадей поскорѣй переменить? говорю я, обращаясь къ кому-то изъ станціонныхъ.

— Нѣтъ лошадей.

— Какъ, а это... указываю на стоящую во дворѣ на привязи шестерку сытыхъ лошадей.

— Это для генерала, котораго сейчасъ ждемъ.

Ничего не подѣлаешь. По выраженію лицъ замѣтно это. Придется подождать проѣзда генерала и тогда уже ѣхать.

— Какого генерала вы ждете?

— Тюремнаго, отвѣтилъ какой-то бравый казакъ.

Проходитъ полчаса. Вдали показался казакъ верхомъ, чѣмъ-то махнулъ и толпа у станціи засуетилась. Еще нѣсколько минутъ и у станціи остановились двѣ тройки. Къ крытому экипажу подбѣжалъ господинъ въ офицерскомъ пальто изъ другаго, открытаго, экипажа.

— Не соблаговолите-ли, ваше превосходительство, зайти на станцію отдохнуть, пока переменятъ лошадей, любезно предложилъ господинъ въ офицерскомъ пальто, съ малороссійскимъ акцентомъ въ голосѣ.

— Нѣтъ, благодарю васъ. Я не усталъ, отвѣтилъ „тюремный“ генералъ и началъ прогуливаться возлѣ станціи и по двору ея, а потомъ зашелъ и въ домъ.

Разспросивъ въ толпѣ кто сопровождаетъ генерала, я узналъ, что это былъ мѣстный уѣздный начальникъ. Я направился къ нему, отрекомендовался. Оказалось что, не будучи знакомы, мы уже знали другъ-друга по фамиліямъ.

— Теперь дорога скверная, Иртышъ разлился. Трудненько вамъ будетъ перебраться черезъ него. Да я вамъ устрою это.

— Пожалуйста! всѣ мы хоромъ обратились къ нему.

Немедленно онъ распорядился чтобъ и для насъ нашлись лошади, экипажъ и безостановочно переправили чрезъ Иртышъ.

— Если-же что-нибудь при переправѣ въ Захляминой случится, пожалуйста, не забудьте сказать мнѣ объ этомъ въ Омскѣ, громко произнесъ хозяинъ уѣзда и направился къ генералу, выходявшему изъ дома.

— Пожалуйста, ваше пр—ство, лошади готовы и поданы.

— А вы куда ѣдете? спросилъ генераль кого-то изъ нашей компаніи.

— Въ Омскъ, отвѣтили мы.

— Отлично доѣдете, дорога прекрасная! Счастливаго пути!

— И вамъ, генераль, того-же!..

„Тюремный“ генераль умчался въ одну сторону, а мы вскорѣ—въ другую, противоположную.

Разговоръ нашъ съ уѣзднымъ начальникомъ и генераломъ, замѣтно, произвелъ хорошее впечатлѣніе на оставшуюся на станціи толпу казаковъ и нашихъ ямщиковъ, относившихся всю дорогу вѣжливо и съ почтеніемъ къ намъ.

Осталось намъ проѣхать всего какихъ-нибудь 20 верстъ. По дорогѣ то и дѣло попадались намъ на встрѣчу почтовые экипажи, крестьянскія телѣги, кавалькады всадниковъ Киргизовъ, лихо скачущихъ на своихъ некрасивыхъ, но крѣпкихъ и выносливыхъ коняхъ, выросшихъ въ степи, на подножномъ корму. Много разъ по пути мы обгоняли и переселенческія вереницы телѣгъ съ полотняными верхами, откуда выглядывали дѣтскія русыя головки... Возлѣ телѣгъ шли группы мужчинъ, женщинъ и подростковъ. Невеселое зрѣлище представляютъ собою эти медленно двигающіяся, скрипучія, телѣги и идущіе за ними люди.

Мы торопили ямщика ѣхать все скорѣе и скорѣе, и неоднократно спрашивали его: скоро ли будетъ видѣнъ городъ?

— Уже скоро, вѣдемъ вотъ тамъ на гору и съ горы городъ будетъ видѣнъ, какъ на ладони.

— Ямщикъ, почему уѣздный начальникъ называлъ дорогу скверной? Вѣдь, дорога какъ слѣдуетъ, спрашиваю я, отъ нечего-дѣлать.

— Дорога-то ничего, да вотъ къ переправѣ къ Иртышу нельзя добраться, нужно въ объѣздъ, кругомъ на Захламинное ѣхать...

— А почему не напрямикомъ къ Иртышу почтовымъ трактомъ, этой самой дорогой, по которой ѣдемъ мы?

— Иртышъ такъ разлился что затопилъ часть дороги и чтобы подѣхать къ переправѣ, нужно ѣхать по чужой землѣ, хозяинъ которой не пускаетъ. Только генералу „тюремному“ и разрѣшилъ проѣхать напрямикомъ, котораго давеча видѣли въ Мельничной. На то онъ и генераль. А намъ нужно своротить на Захламинное.

— А далеко это будетъ? Какъ бы поскорѣй!..

— До Захламиннаго? Версть пять лишнихъ. Поселокъ этотъ по ту сторону Иртыша, ниже Омска. Тамъ и переправа. Живо доѣдемъ!..

Мы въѣхали на гору...

— Вотъ и Омскъ!.. воскликнулъ ямщикъ и съ нѣкоторой гордостью, показалъ кнутомъ въ пространство.

Передъ нами разстилался Иртышъ, — одна изъ великихъ сибирскихъ рѣкъ, широкой полосою, тихо катившій свои воды, въ мутныхъ волнахъ котораго погибъ и знаменитый покоритель и завоеватель Сибири, Ермакъ Тимофеевичъ. Спускаясь съ горы, мы очутились среди громаднаго табора переселенцевъ, направлявшихся далеко къ Востоку, — искать гдѣ лучше.

А по ту сторону Иртыша виднѣлась панорама бывшей столицы Западной Сибири, а нынѣ резиденціи Степнаго генералъ-губернатора, бѣлокаменные зданія которой блестѣли на солнцѣ и рельефно выдѣлялись на сине-голубомъ горизонтѣ...

Т. И. Тихоновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

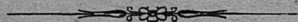
РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ СРОКЪ ВОСЬМОЙ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ СРОКЪ ВТОРОЙ).

1897.

АПРѢЛЬ.

Типографія В. В. Чичерина,
прот. Марьиной слоб., за Камеръ-Коллеж. вал., соб. д., 2 ст. Моск. уезда.
1897.

ЗА УРАЛОМЪ—ВЪ СИБИРИ.

Очерки и картинки сибирской жизни.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ *).

Изъ Киргизской степи.

I.

Широко и необъятно раскинулась киргизская степь занимающая пять обширнѣйшихъ областей: Акмолинскую, Семирѣдинскую, Семирѣченскую, Уральскую и Тургайскую. По официальнымъ даннымъ пять этихъ областей равняются въ совокупности площади исчисляемой въ 1.914,013 квадратныхъ верстъ, съ населеніемъ къ концу 80-хъ годовъ въ 2.667,290 жителей обою пола ¹⁾).

Въ Тургайской области на каждую душу населенія приходится больше квадратной версты пространства; въ наиболѣе населенныхъ областяхъ, — Семирѣченской и Уральской, не насчитывается среднимъ числомъ двухъ душъ на одну квадратную версту. Изъ числа двадцати уѣздовъ семь (Акмолинскій, Атбасарскій, Павлодарскій, Каркаралинскій,

*) См. *Русскій Вѣстникъ*, январь и февраль 1897 г.

¹⁾ А каково въ настоящее время, въ дѣйствительности, количество кочеваго населенія въ киргизской степи, — покажетъ въ ближайшемъ будущемъ первая, законченная уже въ настоящее время, всеобщая перепись. Вопросъ этотъ будучи поставленъ въ связи съ вопросомъ о вычисленіи инородцевъ въ Россіи и въ частности въ Сибири, о чемъ будемъ говорить впоследствии, приобретаетъ особенное значеніе, на что нами будетъ обращено вниманіе въ свое время, при разработкѣ демографическихъ данныхъ первой переписи.

Темирскій, Иргизскій и Тургайскій) занимаютъ площадь свыше 100,000 квадратныхъ верстъ. Нѣкоторые изъ этихъ уѣздовъ превосходятъ по пространству большія юго-восточныя губерніи Европейской Россіи—Уфимскую, Самарскую, Вятскую и Оренбургскую. Въ самомъ населенномъ изъ уѣздовъ, Уральскомъ, считается за исключеніемъ города меньше 200,000 жителей, а въ 14 уѣздахъ населеніе не достигаетъ 100,000 душъ. Вотъ до какой степени рѣдко населеніе въ необъятной киргизской степи.

Главную массу населенія этихъ пяти обширныхъ областей составляютъ инородцы—Киргизы, коренные обитатели страны. По официальнымъ даннымъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, киргизское населеніе степныхъ областей исчисляется въ 469,126 кибитокъ, или, приблизительно, въ 2.153,011 душъ обоего пола. Остальная часть приходится на долю русскаго населенія, какъ-то: казачьихъ войскъ—Сибирскаго, Семирѣченскаго и, въ особенности, Уральского, а затѣмъ крестьянъ-переселенцевъ и горожанъ.

Въ составъ главной массы инородческаго населенія входятъ степные Киргизы-кайсаки бывшихъ ордъ — Большой, Средней и Малой, состоявшіе подъ покровительствомъ Россіи, а затѣмъ подчиненные Русскому правительству въ періодъ времени 1734—1864 годовъ и кочующіе въ нѣкоторыхъ частяхъ Семирѣчья горные Кара-киргизы, бѣльшая часть которыхъ присоединилась къ Имперіи съ занятіемъ Нарынскаго укрѣпленія въ 1868 году.

На всемъ протяженіи степей отъ Урала до Зайсана и Иссыкъ-Куля Киргизы говорятъ однимъ языкомъ и сохраняютъ обычаи кочеваго народа; они ведутъ своеобразное хозяйство которое, благодаря естественному теченію жизни мало-по-малу приближается къ осѣдлому или полuosѣдлому. Вопросъ о томъ какая изъ этихъ формъ хозяйства возьметъ окончательный перевѣсъ, является однимъ изъ спорныхъ, по крайней мѣрѣ, при существующемъ положеніи, и рѣшеніе этого вопроса во всякомъ случаѣ должно быть отнесено къ болѣе или менѣе отдаленному будущему.

Кромѣ кочевыхъ инородцевъ въ киргизскихъ степяхъ существуетъ еще небольшое количество осѣдлыхъ инородцевъ: Таранчей и Дунганъ. Эти осѣдлые инородцы поселились въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Семирѣченской области послѣ возвращенія Китаю Кульджинскаго района или Илійскаго края гдѣ

они раньше жили. Всего переселились 56,981 душъ обоого пола; изъ нихъ было Таранчей 46,786 и Дунганъ 10,195 человѣкъ обоого пола. Образовано ими въ предѣлахъ Джаркентскаго, Вѣрненскаго, Пржевальскаго и Пишпекскаго уѣздовъ 45 поселеній которымъ предназначено было къ отводу 237,768 десятинъ земли. Этихъ осѣдлыхъ инородцевъ иначе называютъ Китайцами-мусульманами, такъ какъ они во многомъ напоминаютъ Китайцевъ съ тою лишь разницей что они исповѣдуютъ мусульманскую религію.

Эту же религію исповѣдуютъ и всѣ остальные инородцы киргизской степи.

II.

Дружными вѣковыми усиліями пропагандистовъ ислама дѣйствовавшихъ на степняковъ Киргизовъ съ сѣвера и юга успѣла поколебаться первобытная жизнь кочевника. Народные обычаи — завѣты сѣдой старины стали уступать мѣсто требованіямъ шаріата, и степная вольница стала чувствовать себя сковываемою непонятными для нея религіозными правилами ислама.

Условія къ распространенію среди кочевниковъ-Киргизовъ ислама были вполнѣ благопріятны: и мѣстоположеніе ихъ страны на главномъ пути изъ Азіи въ Европу, и родственность по языку съ сосѣдями мусульманами. Къ тому же Русское правительство въ свое время, къ сожалѣнію, не только не принимало ни какихъ мѣръ къ сдержанію вліянія и распространенія ислама среди Киргизовъ, но даже способствовало тому.

Великая императрица Екатерина II, какъ извѣстно, указами 1782, 1784 и 1796 годовъ повелѣла построить въ киргизской степи татарскія школы, мечети и отпечатать на счетъ казны кораны для раздачи ихъ кочевникамъ-Киргизамъ. Указы эти пособили насильственному обращенію Киргизовъ въ мусульманство, противъ чего они протестовали и даже еще въ 1830 году чрезъ отправленную въ Петербургъ депутацію просили: „мечетей и школъ у нихъ не заводить, ахуновъ и указныхъ муллъ не опредѣлять.“

Позднѣе, правда, не было уже льготныхъ для ислама

распоряженій, но тѣмъ не менѣе вліяніе его на Киргизовъ-кочевниковъ ничѣмъ не сдерживалось. До послѣдняго времени администрація нисколько не стѣсняла доступъ въ киргизскую степь татарскихъ муллъ и считала грамотѣвъ-Татаръ за вполне пригодныхъ пособниковъ въ проведеніи и привитіи невѣжественнымъ кочевникамъ русской гражданственности и культуры: она ввѣряла имъ воспитаніе киргизскаго юношества, держала ихъ чиновниками, толмачами, переводчиками и писцами.

При такихъ благопріятныхъ условіяхъ, говоритъ мѣстный изслѣдователь г. Васильевъ, можно удивляться не тому что Киргизы сдѣлались мусульманами, а тому, развѣ, что они все еще плохіе мусульмане, разумѣя въ данномъ случаѣ народную массу, а не отдѣльныхъ личностей — богачей и вліятельныхъ лицъ. Эти послѣдніе уже почти омусульманились и даже начинаютъ терять свои національныя особенности предпочитая имъ татарскія ¹⁾.

Разгадка этого, по мнѣнію г. Васильева, кроется въ своеобразномъ складѣ духовной жизни Киргиза-степняка съ его богатыми природными дарованіями, трудно укладывающимися въ рамкѣ мелочныхъ требованій мусульманской религіи. Однимъ изъ главныхъ способовъ къ распространенію въ киргизской степи ислама было обученіе Киргизовъ чтенію религіозныхъ татарскихъ книгъ.

Киргизы не имѣли своей письменности. Они познакомились съ нею вмѣстѣ съ проникновеніемъ къ нимъ ислама. Трудно усвоилась ими не подходящая къ ихъ языку арабская транскрипція и темны для нихъ были эти арабско-татарскіе учебники. Но трудъ, время и благопріятныя условія о которыхъ сказано выше, сдѣлали свое дѣло: нынѣ эта транскрипція вошла уже у Киргизовъ во всеобщее употребленіе служа двоякимъ цѣлямъ—религіознымъ и житейскимъ. Въ настоящее время уже каждый мало-мальски состоятельный Киргизъ считаетъ непремѣнной обязанностью научить своихъ дѣтей чтенію и письму по арабско-татарскимъ книгамъ, главными наставниками которыхъ въ киргизской степи являются казанскіе Татары.

¹⁾ См. интересную статью, написанную съ большимъ знаніемъ дѣла, А. Васильева: „О киргизскомъ языкѣ и его транскрипціи“ въ „Тургайской газетѣ“ за 1896 г., №№ 55 и 56.

III.

Между тѣмъ, по единогласному мнѣнію нашихъ извѣстныхъ оріенталистовъ—Ильминскаго, Григорьева, Радлова и др., арабско-татарская транскрипція совершенно не пригодна для киргизскаго языка. Эта транскрипція, силой обстоятельствъ введенная, дѣлаетъ то что скрывая и ступшевая фонетическія особенности киргизскаго языка, влечетъ къ поглощенію его языкомъ татарскимъ.

Охранить киргизскій языкъ отъ окончательнаго поглощенія его языкомъ татарскимъ можетъ только русскій алфавитъ какъ самый богатый между европейскими и азіатскими. Таково мнѣніе упомянутыхъ выше оріенталистовъ. А вотъ заключеніе факультета восточныхъ языковъ С.-Петербургскаго университета: 1) арабская азбука находящаяся нынѣ въ употребленіи у народовъ тюрко-татарскихъ, соотвѣтствуя болѣе или менѣе фонетическому характеру семитическихъ языковъ, менѣе всякой другой пригодна для точной передачи звуковъ въ языкахъ тюрко-татарскихъ и 2) русская азбука какъ одна изъ самыхъ богатыхъ между европейскими и азіатскими, несравненно способнѣе для передачи звуковъ имѣющихся въ тюрко-татарскихъ языкахъ, нежели арабская, и потому, естественно, при изданіи какихъ бы то ни было книгъ для означенныхъ инородцевъ на ихъ языкахъ, *слѣдуетъ ввести русскую азбуку* ¹⁾.

По единогласному свидѣтельству всѣхъ изслѣдователей киргизскаго языка, онъ принадлежитъ къ числу самыхъ богатыхъ и самыхъ чистыхъ тюркскихъ нарѣчій. Богатство этого языка сказывается въ произведеніяхъ народнаго творчества представляющихъ обильный матеріалъ для изслѣдованія духовной жизни Киргизовъ: въ пословицахъ, въ римованныхъ изреченіяхъ, въ сказкахъ и разказахъ о древнихъ герояхъ, въ пѣсняхъ бытовыхъ, историческихъ и пр.

Киргизскій языкъ является скорѣе нарѣчіемъ тюркскаго языка. Но самостоятельность этого нарѣчія настолько значительна что названіе языка приличествуетъ ему гораздо болѣе, чѣмъ родственнымъ ему языкамъ: башкирскому, татарскому,

¹⁾ См. названную газету и ст. А. Васильева.

чувашскому, якутскому, алтайскому и др. относящимся къ такъ-называемой урало-алтайской группѣ.

При указаніи на чистоту киргизскаго языка сохранившагося благодаря патріархальному, кочевому быту Киргизовъ, необходимо замѣтить что чистота эта съ каждымъ годомъ все болѣе начинаетъ нарушаться. Это происходитъ благодаря сильному и продолжительному вліянію на Киргизовъ со стороны Татаръ. Эта татаризація, если такъ можно выразиться, киргизскаго языка совершается постепенно и какъ бы вполнѣ естественно, въ виду указанныхъ выше благопріятныхъ условій. Время, однако, еще не ушло и не все еще потеряно.

Въ связи съ научными данными о непригодности для киргизскаго языка арабско-татарской транскрипціи, о чемъ мы упомянули, вопросъ о примѣненіи русскаго алфавита къ киргизскому языку, опредѣленно разрѣшенъ и русскимъ правительствомъ. Особенно сильными защитниками необходимости примѣненія такой транскрипціи были Туркестанскій генераль-губернаторъ — Кауфманъ и Оренбургскій — Крыжановскій. Первый изъ нихъ послѣ предварительной разработки этого вопроса въ особыхъ комиссіяхъ изъ свѣдущихъ людей, считалъ настолько необходимымъ скорѣйшее разрѣшеніе его въ положительномъ смыслѣ что просилъ бывшаго министра Народнаго Просвѣщенія графа Д. А. Толстаго принять на себя ходатайство объ испрошеніи на то Высочайшаго повелѣнія.

IV.

Графъ Толстой въ бытность свою въ 1876 г. въ г. Оренбургѣ устроилъ въ присутствіи Оренбургскаго генераль-губернатора Крыжановскаго, директора Казанской учительской семинаріи Ильминскаго, Тургайскаго губернатора, попечителя Оренбургскаго учебнаго округа Лавровскаго и другихъ свѣдущихъ лицъ, особое совѣщаніе по вопросу объ образованіи инородцевъ вообще и Киргизовъ въ частности. На этомъ совѣщаніи графъ Толстой заявилъ что, по его мнѣнію, главною цѣлію правительства должно быть охраненіе

Киргизовъ отъ отатариванія. Въ виду сего печатаніе для нихъ правительственныхъ распоряженій должно производить на ихъ природномъ киргизскомъ языкѣ, а не на татарскомъ. Но такъ какъ Киргизы не имѣютъ своей письменности, то министръ предлагалъ принять русскій алфавитъ. Для того чтобы практически удостовѣриться можетъ ли русскій алфавитъ удобно выражать звуки киргизскаго языка, сдѣлана была, по словамъ названнаго нами мѣстнаго изслѣдователя г. Васильева, слѣдующая проба. Было поручено г. Ильминскому вмѣстѣ съ ученымъ Татаринѣмъ состоявшимъ въ то время при генераль-губернаторѣ, написать русскими буквами какую-нибудь статью на киргизскомъ языкѣ; затѣмъ призвали нѣсколько гимназистовъ изъ Киргизовъ и заставили ихъ прочесть статью. Если она будетъ понятна для нихъ, то фактически окажется что русскій алфавитъ примѣнимъ къ киргизскому говору.

Опытъ этотъ вполне удался: гимназисты-Киргизы читали безъ малѣйшаго затрудненія, не смотря на то что нашъ алфавитъ не имѣетъ особаго носоваго звука встрѣчающагося въ киргизскомъ языкѣ и соотвѣтствующаго буквамъ *н*—*и* и что въ немъ иногда своеобразно произносится звукъ *к*. Послѣ этого генераль-губернаторъ предложилъ продиктовать тѣмъ же гимназистамъ киргизскую статью, а имъ писать ее русскими буквами. И этотъ опытъ удался: гимназисты писали скорописью съ совершенной легкостью, какъ будто имъ диктовали русскую статью.

По возвращеніи своемъ въ Петербургъ графъ Толстой, изложивъ результаты особаго совѣщанія во Всеподданнѣйшемъ отчетѣ своемъ за 1876 годъ, по предварительномъ согласеніи съ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, испросилъ Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе: 1) замѣнить татарскаго употреблять киргизскій языкъ во всѣхъ дѣловыхъ бумагахъ въ которыхъ объявляются Киргизамъ касающіяся ихъ распоряженія и писать въ этихъ бумагахъ киргизскій текстъ русскими буквами, и 2) соотвѣтственно съ этимъ постепенно замѣнять татарскихъ переводчиковъ въ степи природными Киргизами. На это ходатайство графа Толстаго послѣдовала собственноручная Его Императорскаго Величества резолюція: „Согласенъ“.

Такимъ образомъ вопросъ о примѣненіи къ киргизскому языку русской транскрипціи разсмотрѣнный 20 лѣтъ тому

назадъ со стороны научной, практической и формальной, закрѣпленъ былъ, наконецъ, Высочайшею волей. Въ настоящее время имѣется уже достаточное число книгъ на чисто киргизскомъ языкѣ съ примѣненіемъ русской транскрипціи, достаточное настолько что для желающихъ представляется полная возможность видѣть въ нихъ наглядные образцы удобопримѣнимости русской транскрипціи къ киргизскому языку. Въ настоящее время для интересующихся киргизскимъ языкомъ не представляется уже никакой трудности при изученіи его, такъ какъ имѣется достаточное количество необходимыхъ при изученіи его пособій.

Не смотря на это столь опредѣленное и давнее разрѣшеніе вопроса о русской транскрипціи киргизскаго языка, на практикѣ, однако, встрѣчается существенное и принципиальное уклоненіе отъ него. Такъ, напримѣръ, есть „Киргизская Степная Газета“, издающаяся въ г. Омскѣ при канцеляріи Степнаго генераль-губернатора и выходящая съ 1-го января 1894 г. въ видѣ особаго прибавленія къ областнымъ „Вѣдомостямъ“ Акмолинской, Семипалатинской и Семирѣченской областей. Газета состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: официального въ которомъ излагаются разные правительственные распоряженія касающіяся Киргизовъ и неофициального. Содержаніе того и другаго отдѣла излагается на русскомъ языкѣ съ переводомъ его на киргизскій, но — въ арабско-татарской транскрипціи, а не въ русской какъ слѣдовало бы.

Прекрасно задумано дѣло, да ведется оно, къ сожалѣнію, неумѣло и по формѣ, и по содержанію. До того неумѣло что почтенный авторъ приведенной выше статьи въ „Тургайской газетѣ“ г. Васильевъ усматриваетъ чуть-ли не пропаганду ислама „Киргизскою Степною Газетою“ и восклицаетъ: „неужели это дѣло русскаго печатнаго органа издаваемого на окраинѣ“?!.

V.

1895 годъ ознаменовался для киргизской духовной миссіи важными перемѣнами въ административномъ отношеніи. Вопервыхъ, Акмолинская и Семипалатинская области во-
Р. В. 1897. IV.

шли въ составъ новоучрежденной епархіи Омской, а вслѣдствіе этого и станы бывшей киргизской миссіи Тобольской епархіи перешли въ вѣдѣніе Омскаго епархіальнаго начальства. Въторыхъ, киргизская миссія Тобольской епархіи, переставъ существовать самостоятельно, слилась воедино съ миссіей дѣйствовавшей въ Семипалатинской области Томской епархіи. Обѣ эти миссіи поступили въ управленіе назначеннаго Святѣйшимъ Синодомъ новаго начальника миссіи, о. архимандрита Сергія, получившаго среднее образованіе въ Донской духовной семинаріи, а высшее на юридическомъ факультетѣ Московскаго университета гдѣ онъ окончилъ курсъ со степенью кандидата. Мѣстопробываніе новаго начальника киргизской духовной миссіи находится въ Зарѣчной слободкѣ гор. Семипалатинска гдѣ уже заложены и строятся трехпрестольная церковь и домъ начальника миссіи съ домовою церковью.

По сообщенію миссіонера, протоіерея Путинцева, въ прошедшемъ году Киргизовъ просвѣщено св. крещеніемъ: въ Акмолинскомъ станѣ—2, въ Каркаралинскомъ—2 и въ Атбасарскомъ—1. Въ послѣднемъ станѣ не было миссіонера до октября 1895 года когда прибылъ туда на миссіонерское служеніе священникъ Максимовъ окончившій миссіонерскіе курсы при Казанской духовной академіи.

Судя по числу прозелитовъ въ трехъ упомянутыхъ станяхъ нельзя сказать чтобъ успѣхъ духовной миссіи въ киргизской степи съ цифровой стороны былъ блестящій. Это обстоятельство, по словамъ протоіерея Путинцева, было причиною немалыхъ скорбей миссіонеровъ. Но послѣдніе въ такихъ случаяхъ утѣшали себя припоминая наставленія и указанія старѣйшихъ сибирскихъ миссіонеровъ: архіепископа Казанскаго Владиміра, Томскаго епископа Макарія и Владикавказскаго епископа Владиміра. Эти высокопочтенные пастыри всегда говорили миссіонерамъ: „Суть нашего апостольскаго служенія не въ количествѣ, а въ качествѣ; пусть вы не окрестите ни одного. Не въ этомъ дѣло, а въ проповѣди. Наше дѣло проповѣдывать, возвѣщать истину желающимъ слышать ее, а крестить—дѣло будущихъ поколѣній.“

Миссіонеры киргизской духовной миссіи познакомились съ живущими осѣло въ значительномъ числѣ близъ гор. Акмолинска джатаками, то-есть, бѣдняками Киргизами не имѣю-

щими скота которые сблизилсь съ ними настолько что посѣщали миссіонеровъ въ качествѣ гостей, и тѣ бывали у нихъ, при чемъ велись и религіозныя бесѣды. Изъ среды этихъ Киргизовъ нѣсколько человѣкъ изъявляли уже, хотя еще и не рѣшительно, намѣреніе креститься. Трое изъ нихъ были уже обучаемы первоначальнымъ познаніямъ о вѣрѣ христіанской и казалось что близится время когда „эти заблудшія овцы войдутъ въ ограду церкви Христовой.“ Но миссіонеры на первыхъ же порахъ своей дѣятельности получили тяжелое и горькое разочарованіе.

Всѣ три помянутые Киргиза-мусульманина послѣ болѣе чѣмъ трехнедѣльныхъ сношеній съ ними вдругъ перестали ходить къ миссіонерамъ, начали прятаться если къ нимъ они являлись и, наконецъ, рѣшительно объявили что не будутъ креститься и не смѣютъ болѣе ходить къ миссіонерамъ, такъ какъ боятся Татаръ.

Это было въ мартѣ. Въ это же время и прочіе знакомые акмолинскіе Киргизы-джатаки также стали уклоняться отъ всякихъ сношеній съ миссіонерами. Словомъ, полугодичный и далеко не легкій трудъ вдругъ какъ бы началъ сводиться ни къ чему, несмотря на благопріятные, повидимому, результаты въ началѣ сношеній съ Киргизами. Чтò за причина? Миссіонеры начали наводить справки и дѣло выяснилось.

Прежде всего оказалось что одинъ изъ Киргизовъ желавшихъ креститься оставилъ свое намѣреніе частию вслѣдствіе угрозъ со стороны акмолинскихъ Татаръ, а частию потому что богатые Киргизы и Татары подарили ему 20 барановъ, дали также денегъ и напшли невѣсту за которую ему не нужно было платить калымъ. Другой Киргизъ жившій работникомъ у богатаго купца-мусульманина, за то что ходилъ къ миссіонеру на бесѣды сперва былъ съ позоромъ и побоями прогнанъ хозяиномъ, а чрезъ недѣлю сидѣлъ уже на базарѣ и торговалъ въ балаганѣ собственнымъ товаромъ полученнымъ имъ отъ щедротъ своихъ единовѣрцевъ, вслѣдствіе чего, конечно, также оставилъ мысль о крещеніи. А третій Киргизъ прямо заявилъ что не будетъ креститься, потому что Татары хотятъ убить его если окрестится.

VI.

Вскорѣ послѣ этого миссіонеры получили свѣдѣнія о движеніи мусульманства противъ духовной миссіи въ киргизской степи которое съ особенною силой выразилось именно въ мартѣ прошлаго года и которое должно считать главною причиною перемѣны къ худшему въ отношеніяхъ къ миссіонерамъ нашихъ Киргизовъ. По замѣчанію русскихъ людей, по сознанію и даже похвальбамъ самихъ Киргизовъ, между всѣми Киргизами, а въ особенности Киргизами Акмолинскаго уѣзда, начало проявляться именно въ это время мало замѣтное прежде усердіе къ исполненію внѣшнихъ обрядовъ мусульманской религіи.

Это явленіе, по мнѣнію миссіонера Путинцева, есть плодъ усиленной проповѣднической дѣятельности среди киргизскаго населенія указныхъ и неуказныхъ муллъ, а въ особенности выходцевъ изъ Туркестана буквально наводнившихъ городъ Акмолинскъ и весь Акмолинскій уѣздъ подъ видомъ торговцевъ или просто путешественниковъ. Эти-то ратники ислама двинувшіеся вслѣдъ за прибытіемъ нашихъ миссіонеровъ въ киргизскую степь и явились самыми яркими врагами нашей духовной миссіи. Они и подожгли тлѣвшій среди Киргизовъ мусульманскій фанатизмъ. Къ нимъ и ими подстрекаемые присоединились съ усиленнымъ противъ прежняго усердіемъ мѣстные городскіе муллы, богатые Киргизы, Татары и Сарты, а также всюду разсѣянные по степи петропавловскіе Татары и муллы степныхъ мечетей, настроенныхъ богатыми Киргизами въ каждой волости по нѣскольку, вмѣсто одной на волость какъ дозволено закономъ.

При этомъ мусульманскіе проповѣдники всегда имѣли и имѣютъ возможность подкрѣплять свое слово и дѣломъ, то-есть, разными угрозами колеблющимся въ исламъ или равнодушнымъ къ нему и въ особенности сильною матеріальною помощію бѣднымъ и нуждающимся. Такъ, мусульманство въ огромномъ числѣ своихъ послѣдователей, во всеоружіи фанатизма, не брезгуя никакими средствами и всячески прельщая полудикихъ кочевниковъ-Киргизовъ земными благами, выступило противъ нашихъ миссіонеровъ не многихъ, одинокихъ и бѣдныхъ проповѣдниковъ Св. Евангелія. Не мудрено

что борьба оказалась не равною и что мусульманство въ данный моментъ явилось торжествующимъ надъ христіанствомъ. Отчаиваться, однако, не слѣдуетъ: все, какъ сказано, „въ рукахъ Божіей.“

Не то же ли или подобное этому говорить намъ исторія борьбы и древняго христіанства съ богатымъ, сильнымъ и могучимъ язычествомъ которое долго торжествовало, а въ концѣ-концовъ христіанство побѣдило его. Такъ будетъ и съ мусульманствомъ въ киргизской степи. Если не нынѣшнее поколѣніе, то слѣдующее за нимъ будетъ свидѣтелемъ паденія мусульманства и торжества христіанства въ необъятной киргизской степи.

Но до того времени миссіонеровъ нашихъ ожидаетъ тяжелая, полная горя и лишеній борьба съ мусульманскимъ изувѣрствомъ. Къ этой борьбѣ надо быть готовымъ всякій день и часъ. Несмотря на явную перемѣну къ худшему въ отношеніяхъ къ нашимъ миссіонерамъ Киргизовъ и даже на то что враги христіанства для устрашенія миссіонеровъ распустили среди Киргизовъ и Русскихъ слухи что въ степи намѣреваются убить ихъ, миссіонеры, однако, лѣтомъ и осенью прошлаго года совершили нѣсколько поѣздокъ въ глубь степи, въ нѣкоторыя кочевья Киргизовъ Акмолинскаго уѣзда. Во время этихъ поѣздокъ въ разныхъ направленіяхъ, впередъ и назадъ сдѣлано было 850 верстъ и миссіонеры посѣтили многіе киргизскіе аулы.

Киргизы вездѣ принимали миссіонеровъ радушно, угощали чаемъ и кумысомъ. Бесѣды съ ними велись обыкновенно о разныхъ предметахъ интересующихъ любопытныхъ степняковъ, напримѣръ, о Государѣ, о Царской Семѣ, о Петербургѣ или, наконецъ, о предметахъ нравственныхъ, какъ-то: о любви къ ближнему, о прощеніи обидъ, о молитвѣ, о благодарности Богу и т. п. Такія темы бесѣдъ давали миссіонерамъ возможность переходить и къ разговорамъ объ ученіи Христа. Пока бесѣда не касалась этого щекотливаго для Киргизовъ предмета, они говорили охотно, съ обычнымъ имъ увлеченіемъ, но какъ только дѣло касалось вѣры, собесѣдники-Киргизы замѣтно начинали тревожиться, давали отвѣты уклончивые или вовсе умолкали, а нерѣдко даже всѣ—и гости, и хозяева—безцеремонно уходили изъ юрты оставляя миссіонеровъ, „почетныхъ гостей“, однихъ.

Вообще замѣтно было что Киргизы не желаютъ вести съ нашими миссіонерами религіозныхъ бесѣдъ. Такое отношеніе ихъ можно объяснить, какъ заявляетъ миссіонеръ Путинцевъ, вліяніемъ пропаганды мусульманскихъ муллъ и ходжей. Но не взирая на это миссіонеры наши намѣрены лѣтомъ текущаго года двинуться еще далѣе въ глубь Киргизской степи...

Т. Тихоновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ ПЯТИДЕСЯТЫЙ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ Сорокъ второй).

1897.

ІЮЛЬ.

Типографія В. В. Чичерина,
прот. Марьиной слоб., за Камеръ-Коллеж. вал., соб. д., 2 ст. Моск. уѣзда.
1897.

ЗА УРАЛОМЪ—ВЪ СИБИРИ.

Очерки и картинки сибирской жизни.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ *).

I.

Много заботъ и хлопотъ у нашихъ миссіонеровъ въ дѣлѣ наблюденія за образомъ жизни новокрещенныхъ Киргизовъ. Городская жизнь полная всевозможныхъ соблазновъ чрезвычайно дурно вліяетъ на нихъ. Всякій Киргизъ принявшій православіе уже считаетъ себя „Русскимъ“, даже обижается если его назовутъ Киргизомъ. Въ силу такого убѣжденія или взгляда онъ старается усвоить себѣ по возможности всѣ русскіе нравы и обычаи. А такъ какъ человѣческая натура вообще склонна болѣе къ дурному чѣмъ къ хорошему, то и новокрещенные Киргизы, не смотря на предостереженія и увѣщанія миссіонеровъ, легко увлекаются разными отрицательными сторонами городской жизни.

Въ особенности соблазняютъ новокрещенныхъ Киргизовъ карточная игра, пьянство и свободное отношеніе къ женщинамъ въ русскихъ домахъ разврата, чего они никогда не видѣли и что не допускается въ ихъ родныхъ аулахъ. Кромѣ того къ услугамъ новокрещенныхъ въ этихъ случаяхъ являются многіе изъ Русскихъ которые какъ бы ставятъ своею непремѣнною обязанностью не поддерживать новокрещенныхъ Киргизовъ въ доброй христіанской нравственности которой учить его миссіонеръ, а, напротивъ, вся-

*) См. *Русскій Вѣстникъ*, апрѣль, 1897 г.

чески завлечь и развратить ихъ выросшихъ въ иныхъ условіяхъ привольной кочевой, степной жизни.

Понятно и совершенно естественно что новокрещенные Киргизы легко поддаются соблазнамъ и заражаются пороками своихъ новыхъ единовѣрцевъ. Такое растлѣвающее вліяніе городской жизни на новокрещенныхъ въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ что въ болѣе или менѣе населенныхъ городахъ, каковы Акмолинскъ, Каркаралинскъ и другіе степные города, проживаютъ много вліятельныхъ и богатыхъ Татаръ, Сартовъ и Узбековъ, находятся богатые мечети со множествомъ муллъ, ходжей и разныхъ другихъ проповѣдниковъ ислама, отражается на малоуспѣшности нашей духовной миссіи въ киргизской степи. Дѣйствительно, для успѣха нашей миссіи станы нужно основывать не въ городахъ, а въ русскихъ деревняхъ и селеніяхъ, жители которыхъ, крестьяне-переселенцы, несравненно религіознѣе и нравственнѣе горожанъ. А добрый примѣръ весьма важенъ и нуженъ для новообращенныхъ Киргизовъ. Кромѣ того и надзоръ за послѣдними со стороны миссіи въ городахъ представляетъ значительныя затрудненія. Наконецъ, въ русскихъ деревняхъ и въ близкихъ къ нимъ окрестностяхъ нѣтъ ни Татаръ, ни муллъ, ни мечетей, а Киргизовъ тамъ кочуетъ и частью осѣдло живетъ весьма много.

Самыя селенія для миссіонерскихъ становъ въ Акмолинскомъ, Каркаралинскомъ и Атбасарскомъ уѣздахъ давно уже намѣчены были какъ наиболѣе соотвѣтствующія цѣли чѣмъ эти степные города. Предположеніе это, переносъ становъ изъ городовъ въ селенія, было одобрено Омскимъ епархіальнымъ начальствомъ весьма сочувственно относящимся къ дѣлу миссіи вообще и въ частности къ возникшему предположенію, а вслѣдъ затѣмъ благодаря матеріальной поддержкѣ со стороны мѣстной администраціи приступлено было къ перенесенію становъ.

Такимъ образомъ въ настоящее время миссіонерскіе станы находятся: Каркаралинскій—въ станицѣ Баянъ-Аульской (180 верстъ отъ г. Каркаралинска), Атбасарскій—въ поселкѣ Донскомъ (въ 100 верстахъ отъ г. Атбасара) и Акмолинскій—въ селеніи Александровскомъ (въ 25 верстахъ отъ г. Акмолинска). Всѣ эти селенія вполне пригодны и удовлетворяютъ требованіямъ миссіонерскаго стана киргизской духовной миссіи. Такъ, на примѣръ, селеніе Александр-

ровское немногочисленно, состоитъ всего изъ 39 дворовъ и 280 душъ обоюго пола крестьянъ-переселенцевъ изъ Самарской губерніи. Вблизи его нѣтъ другихъ поселковъ которые могли бы быть приписаны къ его приходу. Въ окрестностяхъ селенія находится значительное число кочующихъ Киргизовъ. Наконецъ, въ селеніи имѣется дѣревянный молитвенный домъ съ алтаремъ который будетъ въ послѣдствіи обращенъ въ церковь. На постройку миссіонерскихъ зданій для причта и школы въ селеніи Александровскомъ отпущено Степнымъ генералъ-губернаторомъ бар. Таубе 1185 руб. 78 коп. ¹⁾. Кромѣ того, выбрано удобной пахатной и сѣнокосной земли для церкви, школы и причта миссіонерскаго стана 150 десятинъ и для поселенія новокрещенныхъ Киргизовъ—50 десятинъ. Вскорѣ послѣ перенесенія Акмолинскаго миссіонерскаго стана въ селеніе Александровское изъ г. Акмолинска былъ уже случай крещенія Киргиза-мусульманина изъ Акмолинскаго уѣзда.

Таковы первые шаги въ дѣятельности киргизской духовной миссіи. Результаты, какъ видите, скромны. Иначе и быть не можетъ при такой ограниченности и даже скудости средствъ какими располагаютъ миссіонерскіе станы киргизской миссіи и малочисленности ея членовъ-миссіонеровъ. Чтобы результаты этой дѣятельности были замѣтнѣе, необходимо увеличить и то и другое, а главное—обеспечить бытъ новокрещенныхъ Киргизовъ съ нравственной и матеріально-экономической стороны. Иначе дѣятельность нашихъ миссіонеровъ останется малоуспѣшною. Говоря объ этомъ мы далеки отъ какаго бы то ни было упрека нашимъ миссіонерамъ киргизской духовной миссіи руководимой такимъ просвѣщеннымъ начальникомъ ея какъ архимандритъ о. Сергій: дѣятельность ея, хотя и скромная, заслуживаетъ всякаго уваженія и дальнѣйшаго развитія.

Тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ забывать что наши миссіонеры въ киргизской степи являются представителями инаго

¹⁾ А мѣстные крестьяне-переселенцы помогли своимъ трудомъ устроиться миссіонеру; ими былъ перевезенъ изъ города въ ихъ селеніе домъ купленный миссіонеромъ на отпущенныя деньги, который въ 1 ноября былъ уже поставленъ и окончательно отстроенъ. Крестьяне-переселенцы с. Александровскаго устроили миссіонеру при въѣздѣ его въ ихъ селеніе трогательную сцену: встрѣтили его у воротъ миссіонерскаго дома всѣмъ селеніемъ, мужчины, женщины и дѣти, причемъ, по русскому обычаю, поднесли ему хлѣбъ-соль.

склада жизни и міровоззрѣнія, другихъ формъ быта. Новокрещенные Киргизы, принимая Св. крещеніе и дѣлаясь христіанами, въ силу необходимости должны будутъ переходить отъ кочеваго къ полуосѣдлому или осѣдлому образу жизни, совершенно новому для нихъ складу и обиходу жизненному. Такіе переходы не должны сопровождаться какимъ бы то ни было насиліемъ или принужденіемъ, а являются естественнымъ послѣдствіемъ въ жизни того или инаго кочевника принявшаго христіанство.

Еслибы дѣятельность нашей миссіи въ киргизской степи охватывала не единичные только случаи принятія Киргизами-кочевниками христіанства, а проявилась бы на болѣе или менѣ значительной массѣ Киргизовъ, то мы могли бы быть свидѣтелями въ высшей степени любопытнаго явленія,—появленія въ Киргизской степи Киргизовъ-христіанъ ведущихъ кочевой образъ жизни. Можетъ-быть въ послѣдствіи это и будетъ. А пока мы наблюдаемъ отдѣльные случаи обращенія Киргизовъ въ христіанъ и перехода новокрещенныхъ къ полуосѣдлому или осѣдлому складу жизни и даже, къ сожалѣнію, обратные случаи.

Мусульманское направленіе въ жизни Киргизовъ о которомъ мы говорили выше съ каждымъ годомъ усиливается въ степи. Повсемѣстно, особенно среди султановъ и вообще вліятельныхъ людей изъ Киргизовъ, замѣчается предпочтительное расположеніе оказываемое мусульманскому обученію дѣтей.

Такъ, прежде муллъ изъ Киргизовъ было мало. Большею частію это были казанскіе Татары. Свои киргизскіе муллы если и были, то это были ученики казанскихъ муллъ. Теперь не то. Съ завоеваніемъ Туркестана молодые люди изъ Киргизовъ стали уѣзжать въ Бухару, Персію, Мекку. Они изучаютъ тамъ персидскій, арабскій языки и мусульманскій законъ. Возвратясь на родину они становятся муллами пропитанными фанатизмомъ и распространяютъ этотъ фанатизмъ въ киргизскомъ народѣ.

Въ характерѣ киргизскаго народа встрѣчается много симпатичныхъ чертъ которыя не даютъ думать чтобъ иссушающее народную жизнь мусульманство отвѣчало его духу.

Киргизы—народъ живой, здоровый, жаждущій жизни. Они любятъ веселье, пѣсни, новости, въ костюмѣ—яркіе цвѣта, въ жизни—праздники. Въ похоронныхъ и свадебныхъ обрядахъ, въ обычномъ правѣ киргизскаго народа такъ много

особеннаго указывающаго на сложную жизнь прожитую этимъ народомъ, въ преданіяхъ, въ народной этикѣ и вообще въ чертахъ народнаго характера такъ много оригинальнаго что въ своемъ историческомъ наслѣдствѣ киргизская жизнь найдетъ въ послѣдствіи элементы для дальнѣйшаго развитія въ болѣе здоровомъ направленіи чѣмъ мусульманство. Чрезвычайной популярностью и любовью пользуются у Киргизовъ ихъ народные пѣвцы. Это истинные, природные поэты-импровизаторы. Ни одно празднество, торжество не обходится безъ участія такого поэта-пѣвца. Видѣть и слышать такихъ пѣвцовъ интересно въ высшей степени. Чрезвычайно любопытную легенду о происхожденіи пѣсни у Киргизовъ разказываетъ г. Потанинъ. Легенда говоритъ что нѣкогда, въ тѣ отдаленныя времена когда люди еще не умѣли пѣть, пѣсня летала надъ землею и пѣла. Гдѣ она пролетала низко, люди хорошо слышали ее и переняли ея напѣвы, гдѣ высоко, тамъ плохо ихъ было слышно, и народы населяющіе эти земли остались не музыкальными. Надъ киргизскою степью пѣсня пролетѣла ниже чѣмъ надъ какою-нибудь другою страной и потому Киргизы—лучшіе пѣвцы въ мірѣ. Обездоленные Монголы, добавляетъ другая легенда, позавидовали счастливымъ Киргизамъ и рѣшили выкрасть у нихъ даръ боговъ—искусство пѣнія. Они выбрали ловкаго молодого человѣка и послали его въ киргизскій аулъ подкрасться къ нему и подслушать какъ поютъ Киргизы и перенять мотивы. Юноша подошелъ къ аулу, спрятался за скалу, сталъ ждать вечера когда въ аулѣ начнется пѣніе; но аула въ то время уже не было—онъ откочевалъ, осталась одна старая и хромая собака которая не могла уйти за ауломъ. Когда наступилъ вечеръ, собака начала выть отъ голода. Монгольскій юноша услышавъ серенаду подумалъ что это и есть киргизское пѣніе, запомнилъ его и научилъ ему своихъ сородичей...

Неужели этотъ народъ, живой, впечатлительный, даровитый, который такъ любитъ жизнь и который умѣетъ украсить ее искусствомъ, пѣсней, не найдетъ въ себѣ достаточно силъ и не получить ихъ извнѣ, въ лицѣ христіанскаго просвѣщенія, культуры, чтобы не дать опутать себя мусульманскою сѣтью? Намъ думается и хочется вѣрить, судя по духовному облику киргизской народности, что мусульманское вліяніе и увлеченіе арабско-татарскою мудростью не будетъ продолжительно, что вкусъ къ ней пройдетъ какъ

совсѣмъ не соотвѣтствующей духовной организаціи Киргизовъ, а въ замѣнъ его привьется и разовьется русское просвѣщеніе, на почвѣ христіанской... Не надо только спѣшить форсированнымъ маршемъ, а тѣмъ болѣе принуждать путемъ угрозъ или насилія.

II.

Издавна на основаніи официальныхъ данныхъ сложилось и до сихъ поръ существуетъ мнѣніе, будто территорія киргизскихъ степей представляетъ весьма мало данныхъ для развитія сельско-хозяйственной культуры вообще и въ частности для земледѣлія. Полнаго изслѣдованія обставленнаго болѣе или менѣе научнымъ образомъ произведено не было, не смотря на начавшуюся колонизацію киргизской степи русскими крестьянами переселенцами, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе расширяющуюся. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ были снаряжены Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ двѣ экспедиціи для изслѣдованія хозяйственного и экономическаго быта крестьянъ и инородцевъ Западной и Восточной Сибири; точно также было бы полезно предпринять такое же изслѣдованіе и всей киргизской степи.

Только при серіозномъ изученіи страны можно раздѣлить ее на районы, съ одной стороны вполне пригодные для сельско-хозяйственной культуры, съ другой — для кочеваго хозяйства. До сихъ поръ остаются невыясненными вопросы: 1) зависимость кочеваго хозяйства отъ окружающей природы; 2) какова экономическая норма обеспеченности семьи кочевника при кочевомъ хозяйствѣ; 3) условія при которыхъ оно экономически выгодно; 4) норма землевладѣнія необходимаго для веденія кочеваго хозяйства въ зависимости отъ условій мѣстности; 5) настоящее хозяйственное положеніе киргизскаго населенія; 6) господствующія формы землевладѣнія и землепользованія и вліяніе послѣднихъ на хозяйство кочевника, и наконецъ, 7) что необходимо сдѣлать чтобы колонизація киргизской степи не стѣсняла кочеваго хозяйства. Кое-какія отрывочныя свѣдѣнія по этимъ вопросамъ можно имѣть и теперь, на основаніи мѣстныхъ изслѣдованій, въ недавнее время произведенныхъ въ отдѣльныхъ

раіонахъ киргизской степи К. А. Вернеромъ, г. Шнэ и В. А. Остафьевымъ. Но подробнаго изслѣдованія и изученія киргизская степь еще ждетъ.

По единодушному мнѣнію всѣхъ мѣстныхъ изслѣдователей, въ киргизской степи находится много самыхъ прекрасныхъ уголковъ которые гостепріимно пригрѣютъ нашихъ крестьянъ-переселенцевъ изъ малоземельныхъ и густо-населенныхъ губерній Европейской Россіи. Въ то же время мы имѣемъ и такое свидѣтельство о нѣкоторыхъ раіонахъ, на примѣръ, Семирѣченской области. Сама природа этихъ каменистыхъ пустынь какъ бы примѣнилась къ кочевому хозяйству; уничтоженіе его поведетъ къ гибели цѣлой народности. Что касается земледѣлія, то оно возможно на участкахъ поставленныхъ въ болѣе благопріятныя условія относительно орошенія. При континентальномъ климатѣ земледѣльцу приходится имѣть дѣло съ частыми засухами. Испареніе происходитъ съ поразительною быстротой. Въ одинъ часъ исчезаетъ влага накопившаяся въ теченіе 3—5 дней. Глинисто-солонцеватая почва при обильныхъ дождяхъ быстро превращается въ болото-трясину, а подъ палящими лучами солнца еще быстрѣе твердѣетъ и обращается въ камень. Русскій переселенецъ приходящій сюда преимущественно изъ центральныхъ губерній и вѣками привыкшій къ болѣе равномерной и правильной смѣнѣ условій хозяйства, истомленный малоземельемъ на родинѣ, съ жадностью набрасывается на землю, забирая себѣ сравнительно огромные участки, но въ первые же годы совершенно разочаровывается.

То же самое можно сказать и на основаніи официальныхъ данныхъ относящихся до Семирѣченской области. Въ ней болѣе четверти территоріи занято озерами и песками лишенными растительности. Остальная же часть состоитъ главнымъ образомъ изъ горныхъ хребтовъ и возвышенностей пригодныхъ по недостатку орошенія и каменистой почвѣ лишь для скотоводства. Для земледѣлія удобна узкая полоса земли у предгорій, въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ имѣются источники достаточные для искусственнаго орошенія. А пространства между культурною полосой и безводными песками могутъ быть приспособлены для земледѣлія, по теченію главныхъ рѣкъ, только при помощи дорого стоящихъ ирригаціонныхъ сооруженій устройство которыхъ не по силамъ мѣстному населенію.

Въ Семипалатинской области почва и климатъ вообще не соотвѣтствуютъ требованіямъ успѣшной сельско-хозяйственной дѣятельности,—крайняя сухость климата и почвы съ рѣзкими переходами отъ зноя къ сильнѣйшимъ морозамъ. Только восточная часть области, чрезвычайно гористая, достаточно орошена горными рѣками и мѣстами представляетъ небольшія возвышенныя долины пригодныя для земледѣлія съ искусственнымъ орошеніемъ.

Въ Акмолинской области условія тѣ же: почва и климатъ вообще непригодны для сельско-хозяйственной культуры. Въ нѣсколько лучшемъ положеніи находится сѣверо-западный склонъ орошаемый системою рѣки Ишима и покрытый прѣсноводными озерами гдѣ расположены казачьи станицы и крестьянскія селенія Кокчетавскаго уѣзда. Но и въ этихъ мѣстахъ осѣдлые жители поддерживаютъ свое хозяйство скотоводствомъ. Остальная часть области представляетъ переходъ отъ скудно-орошаемыхъ равнинъ пригодныхъ лишь для пастбищъ къ пустынѣ занимающей на юго-западъ до 70,000 квадр. верстъ и получившей, въ виду совершеннаго безплодія, названіе „голодной степи“.

Въ зауральской киргизской степи вошедшей въ составъ Уральской и Тургайской областей только уѣзды прилежающіе къ Самарской и Оренбургской губерніямъ: Уральскій, Акмолинскій и Николаевскій представляютъ мѣстности благоприятныя для сельско-хозяйственной культуры, остальные же уѣзды—нѣтъ.

Такова официальная характеристика киргизской степи. Характеристика эта только отчасти напоминаетъ отзывы мѣстныхъ изслѣдователей К. А. Вернера и В. А. Остафьева. Киргизская степь нуждается въ сплошномъ изслѣдованіи. Проведеніе Сибирской желѣзной дороги и необходимость быть-можетъ въ недалекомъ будущемъ соединенія ея вдоль китайской границы или поперекъ киргизской степи съ Закаспійскою желѣзною дорогою, безъ сомнѣнія, выдвинетъ на ближайшую очередь вопросъ объ изслѣдованіи киргизской степи.

Со своей стороны мы можемъ сказать по поводу приведенной выше официальной характеристики киргизской степи слѣдующее: если, напримѣръ, мѣстный изслѣдователь, агрономъ В. А. Остафьевъ производившій изслѣдованіе на сравнительно небольшомъ районѣ киргизской степи пришелъ къ выводу что „въ степныхъ областяхъ безспорно найдется

много самыхъ благодатныхъ и прекрасныхъ уголковъ которые охотно и гостепріимно пригрѣютъ нашихъ колонизаторовъ“, то спрашивается, сколько же такихъ уголковъ найдется въ другихъ раіонахъ необъятной киргизской степи гдѣ до сихъ поръ не было произведено никакого сколько-нибудь обстоятельнаго изслѣдованія. Несомнѣнно, ихъ найдется много и такимъ образомъ официальная характеристика киргизской степи далеко не будетъ соответствовать дѣйствительному положенію дѣла которое выяснится лишь послѣ подробнаго изслѣдованія всѣхъ степныхъ областей.

При этомъ невольно припоминается существующая въ киргизской степи знаменитая такъ-называется „десятиверстная полоса“ плодороднѣйшей земли, тянущаяся почти на нѣсколько сотъ верстъ отъ границы Оренбургской губерніи до Омска и далѣе отъ него до г. Семипалитинска по лѣвому берегу рѣки Иртыша. Полоса эта находится въ какомъ-то неопредѣленномъ пользованіи сибирскаго казачьяго войска и эксплуатируется самымъ нелѣпымъ образомъ. Она тянется по указанному направленію вглубь степи мѣстами на 10 верстъ, а мѣстами значительно болѣе, верстъ на 30—40, но нигдѣ не менѣе 10 верстъ. Она служила когда-то кордонною линіей, за которую Киргизамъ не дозволялось переходить во время своихъ кочевокъ. Теперь Киргизы снимаютъ участки на ней и платятъ казакамъ за аренду и за водопой скота. Словомъ, мы видимъ рѣдкую аномалію: на всемъ протяженіи лѣваго берега Иртыша отъ г. Омска до г. Семипалитинска вы не найдете ни одного осѣдлаго пункта, не смотря на всѣ благоприятныя условія. Неудивительно если р. Иртышъ представляется всѣмъ ѣдущимъ по ней на пароходахъ пустынною, безжизненною.

Въ недавнее время мѣстною администраціей сдѣлана была въ колонизаціонныхъ видахъ попытка къ устраненію этой аномаліи. Къ сожалѣнію, попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ.

Когда-то, быть-можетъ, по стратегическимъ соображеніямъ имѣло смыслъ образованіе „десятиверстной полосы“. Въ настоящее же время существованіе ея потеряло всякій смыслъ и является аномаліей. Прежде и колонизація степныхъ областей производилась по стратегическимъ соображеніямъ. Теперь не то. Въ настоящую минуту взглядъ на колонизацію измѣнился кореннымъ образомъ. Стратегическія цѣли остав-

лены, и поставлены на видъ нужды и интересъ поселяемыхъ и коренныхъ обитателей страны.

III.

Что Киргизы могутъ заниматься земледѣліемъ—это не подлежитъ сомнѣнію. Многіе изъ нихъ уже находятся въ переходной стадіи отъ кочеваго къ полусѣдлому быту. Извѣстно что Киргизы употребляютъ мало хлѣба. Пищу ихъ главнымъ образомъ составляютъ продукты скотоводства. Въ послѣднее время стало весьма замѣтно употребленіе Киргизами хлѣба и годъ отъ года увеличивается спросъ на него. Когда-то можно было проѣхать сотни верстъ по киргизской степи и нигдѣ у кочевниковъ нельзя было достать хлѣба.

Причины слабаго развитія земледѣлія между кочевниками-инородцами заключаются не исключительно въ кочевомъ образѣ жизни. Напротивъ, Киргизы охотно обрабатываютъ землю гдѣ это выгодно и возможно.

Но вся совокупность мѣстныхъ условій въ киргизской степи дѣлаетъ пастушеское, кочевое скотоводство основнымъ промысломъ, наиболѣе обезпечивающимъ существованіе большинства кочеваго населенія ¹⁾. Скотоводческій промыселъ и опредѣляетъ самый характеръ быта кочевниковъ-инородцевъ. Условія и потребности жизни у послѣднихъ весьма просты: незначительный капиталъ въ скотъ обезпечиваетъ ихъ существованіе и большее или меньшее богатство не измѣняетъ существенно ихъ образа жизни.

Киргизъ, лишившійся своего скота, такъ называемый „джатакъ“, впадаетъ въ крайнюю нужду и становится бѣднякомъ. Такіе Киргизы-джатаки обыкновенно уходятъ изъ своего аула въ батраки къ русскимъ поселенцамъ, преимущественно къ сибирскимъ казакамъ. На трудѣ этихъ батраковъ во многихъ мѣстахъ ведется хозяйство сибирскихъ казаковъ. Или же Киргизъ-джатакъ поступаетъ въ работники

¹⁾ О киргизскомъ скотоводствѣ имѣется работа А. И. Добросмыслова: „Скотоводство въ Тургайской области“, а также и по Акмолинской области не оконченная работа В. П. Михайлова: „Киргизскія степи Акмолинской области по обследованію ветеринарныхъ врачей“, въ Зап. Зап. Сиб. от. Импер. Рус. Геогр. Об. Книжки XII и XIV.

къ своимъ богатымъ однообщественникамъ и обрабатываетъ ихъ земельные участки для посѣва.

Нѣкоторое представленіе о степени развитія земледѣлія между кочевниками-Киргизами можно получить при разсмотрѣніи ниже приведенныхъ данныхъ за четыре года. На основаніи этихъ свѣдѣній сдѣланъ выводъ о среднемъ размѣрѣ посѣва Киргизами зерновыхъ хлѣбовъ (преимущественно пшеницы и проса).

Единицей мѣры сыпучихъ тѣлъ у Киргизовъ служить капъ—мѣшокъ сдѣланный изъ четырехъ полотнищъ киргизской ткани изъ верблюжьей шерсти. Капъ принимается равнымъ 3—4 $\frac{1}{2}$ пудамъ, смотря по сорту хлѣба. Вообще показанные посѣвы нужно и можно считать уменьшенными, отчасти потому что у Киргизовъ въ обычаѣ скрывать истинные размѣры своего благосостоянія, а также влѣдствіе трудности собрать вполне достовѣрные статистическія данныя о количествѣ снимаемаго Киргизами хлѣба. Приходится ограничиться тѣмъ что есть.

Вотъ эти данныя по каждой области и ея уѣздамъ отдѣльно сгруппированныя:

Акмолинская область имѣла кибитокъ ¹⁾ кочевниковъ—67,743. Сдѣлано посѣвовъ ими въ четвертяхъ—5,936. На одну кибитку приходится—0,08. По уѣздамъ эти данныя выражались такъ:

Акмолинская область: Число кибитокъ. Посѣвы. На одну кибит.			
1) Омскій уѣздъ	6.514	52	0
2) Петропавловскій . . .	10.830	1.005	0,09
3) Акмолинскій	25.886	2.332	0,09
4) Кокчетавскій	11.839	934	0,08
5) Атбасарскій	12.674	1.613	0,12
А всего въ области . . .	67.743	5.936	0,08

Перейдемъ теперь къ Тургайской области находящейся въ зауральской киргизской степи. Оказывается что въ области было кибитокъ—68.402. Сдѣлано посѣвовъ—47.042 четвер-

¹⁾ Киргизская кибитка—это жилище кочевника, тоже что юрта, землянка, сакля или домъ у другихъ народовъ. Поэтому кибитко-владѣльцемъ считается каждый кочевникъ имѣющій отдѣльное жилище—кибитку. Это въ нѣкоторомъ родѣ семейственная и имущественная единица подлежащая податному обложенію.

тей. На одну кибитку приходилось 0,68 четвертей. А по уѣздамъ распредѣленіе будетъ такое:

Тургайская область:	Число кибит.	Посѣвы.	На одну кибитку.
1) Актибинскій уѣздъ	16.504	15.812	четв. 0,95 четв.
2) Николаевскій	22.293	26.661	1,19
3) Иргизскій	15.856	2.665	0,15
4) Тургайскій	13.749	1.904	0,13
А всего въ области	68.402	47.042	0,68

Обѣ названныя области населены однимъ и тѣмъ же народомъ, но управляются различно. Тургайская область, какъ и Уральская, управляются по общему положенію; Акмолинская же область вмѣстѣ съ Семипалатинскою и Семирѣченскою находятся въ исключительномъ положеніи.

Меньше всего Киргизы-кочевники занимаются хлѣбопашествомъ въ Акмолинской области. Только въ южныхъ ея уѣздахъ замѣтно нѣкоторое увеличеніе запасекъ. Въ Акмолинскомъ уѣздѣ Киргизы уже издавна производятъ искусственное орошеніе полей посредствомъ арыковъ наполняемыхъ водою изъ ближайшихъ рѣчекъ и озеръ помощію особаго деревяннаго водоподъемнаго снаряда—чагыра. Затѣмъ слѣдуетъ Семипалатинская область, въ которой Киргизами собрано посѣвовъ хлѣба 17.861 четверть или на одну кибитку приходится 0,14, при общемъ количествѣ кибитокъ въ области 116.169. И въ этой области у Киргизовъ преобладаютъ пашни съ искусственнымъ орошеніемъ, въ особенности въ уѣздахъ Устькаменогорскомъ и Зайсанскомъ. Въ восточной части Устькаменогорскаго уѣзда земледѣліе и даже огородничество развито между Киргизами въ большихъ размѣрахъ. Нѣкоторые изъ нихъ уже оставили кочевой образъ жизни и поселились осѣдло среди такъ-называемыхъ чалаказаковъ, потомковъ Сартовъ и Татаръ отъ Киргизокъ, образовавшихъ 6 осѣдлыхъ поселеній.

Первое мѣсто по развитію хлѣбопашества между кочевниками инородцами занимаетъ Семирѣченская область, а затѣмъ Уральская и Тургайская. Киргизы Семирѣченской области, мало занимавшіеся земледѣліемъ до подчиненія ихъ русской власти, вслѣдствіе частой перемѣны мѣстъ кочеванія, враждебныхъ отношеній между родами и столкновений со средне-азіатскими ханами стали увеличивать посѣвы по мѣрѣ

установленія спокойствія и укрѣпленія за родами тѣхъ кочевковъ на которыхъ застала ихъ русская администрація. Съ образованіемъ области отдача подъ русскія поселенія, крестьянскія и казачьи, наиболѣе богатыхъ орошеніемъ земель и недостаткомъ мѣстъ для расширенія скотоводства, вмѣстѣ съ естественнымъ умноженіемъ населенія, вынудили кочевниковъ-Киргизовъ прибѣгнуть къ хлѣбопашеству. Пришлось для земледѣлія эксплуатировать оставшіеся въ ихъ пользованіи рѣчки и ключи и возобновить или возвести новые арыки изъ главныхъ рѣкъ области, какъ то: Или, Чу, Каратавъ, Лепса и др.

Вотъ какія имѣются по этому вопросу статистическія свѣдѣнія касающіяся Семирѣченской области. Область эта имѣла кибитокъ—135.254. Посѣвовъ сдѣлано 100.407 четвертей. На одну кибитку получается 0,74. По уѣздамъ данныя эти выразятся такъ:

Семирѣченская область.	Число кибитокъ.	Посѣвы въ четвертяхъ.	На одну кибитку.
1) Вѣрненскій уѣздъ..	29,424	26,466	0,89
2) Копальскій „ ..	23,914	13,125	0,55
3) Лепсинскій „ ..	27,417	14,643	0,53
4) Пржевальскій „ ..	18,006	22,209	1,25
5) Пишпекскій „ ..	22,946	21,804	0,95
6) Джаркентскій „ ..	13,547	2,180	0,15
А всего въ области Семирѣченской	135,254	100,407	0,74

Переходя затѣмъ къ Уральской и Тургайской областямъ, необходимо замѣтить что въ сѣверныхъ уѣздахъ прилежающихъ къ осѣдлымъ мѣстностямъ этихъ областей, Актюбинскомъ и особенно въ Николаевскомъ, земледѣліе между Киргизами начало вліять на колебаніе мѣстныхъ цѣнъ на хлѣбъ. Зажиточные Киргизы Николаевского уѣзда на время жатвы арендуютъ жатвенныя машины и молотилки. Въ мѣстностяхъ поужнѣ встрѣчаются также полуосѣдлыя зимовки Киргизовъ орошающихъ свои пашни съ большимъ трудомъ и искусствомъ. Въ Гурьевскомъ уѣздѣ Уральской области хлѣбопашества не существуетъ и данныхъ по этому предмету не имѣется. Причина тому—неудобство почвы.

Владѣніе и пользованіе пашнями у Киргизовъ имѣетъ характеръ общинный: земля обрабатывается и засѣвается совместно хозяевами нѣсколькихъ кибитокъ, связанными между собою ближайшимъ родствомъ. Размѣры запашекъ вообще не велики, хотя, напримѣръ, въ Тургайской области бывають случаи когда богатые Киргизы Актюбинскаго и Николаевскаго уѣздовъ засѣвають до 40—50 и даже до 100—200 десятинъ и болѣе ¹⁾). Обыкновенно пашни расположены далеко отъ зимовокъ и лѣтовокъ. Распахавъ и засѣявъ землю, Киргизы-земледѣльцы уходятъ кочевать вмѣстѣ со своими сородичами, оставляя при пашняхъ для охраненія и полива нѣсколькихъ игинчей, т.-е. бѣдняковъ, безъ семьи и скота.

Къ жатвѣ и молотбѣ Киргизы являются съ кочевокъ, дѣлятъ между собой зерно, прячутъ вблизи зимовокъ въ ямѣ необходимое для годового пропитанія и посѣва количество, а излишекъ продають. Сохранять сколько-нибудь значительные запасы хлѣба при зимовкахъ Киргизы не могутъ, такъ какъ имъ приходится оставлять свои зимовки почти на $\frac{2}{3}$ года безъ охраны.

Общее количество скота разнаго рода принадлежащаго какъ кочевникамъ такъ и осѣдымъ жителямъ простирается въ пяти степныхъ областяхъ киргизской степи до громадной цифры въ 13.955,556 головъ что представляетъ цѣнность приблизительно въ 250 милліоновъ рублей. Вотъ какія имѣются по этому предмету официальные статистическія данныя по каждой области отдѣльно, собранныя Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ:

Области.	Населеніе обоюго пола.	Крупнаго скота.	Мелкаго скота.	Всего головъ.
1) Тургайская область	364,647	1.143,989	1.734,623	2.878,612
2) Уральская „	559,552	916,485	2.127,180	3.043,665
3) Семирѣченская „	666,339	1.274,240	3.696,273	4.970,543
4) Семипалатинская. .	576,578	793,455	2.006,431	2.799,886
5) Акмолинская „	500,174	975,773	1.414,287	2.390,060
Итого. . .	2.667,290	5.103,942	8.851,614	13.955,556

При всей неполнотѣ и неточности данныхъ о народномъ хозяйствѣ въ киргизской степи приведенныя цифры доста-

¹⁾ См. книгу А. И. Добросмылова: „Скотоводство въ Тургайской области“. Оренбургъ, 1895 г.

точно убѣждаютъ въ томъ что степное скотоводство имѣетъ не только мѣстное, но и государственное значеніе. Киргизская степь прокармливаетъ на подножномъ корму огромное количество скота, давая обезпеченіе не только кочевому, но и огромныя выгоды русскому населенію. Продукты скотоводства вывозятся далеко за предѣлы киргизской степи.

Однако степь все чаще посѣщаютъ падежи скота то отъ гололедицы, то отъ бескормицы, то отъ разнаго рода эпизоотій. А падежи скота причиняютъ страшныя бѣдствія и нерѣдко полное разореніе кочеваго населенія.

Т. Тихоновъ.

